

Артём ПАТРИКЕЕВ
ИЗМЕНИТЬ ЭТОТ
МИР

18+

@ЭЛИТА

Артём Патрикеев

Изменить этот мир

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7153001

Аннотация

Обычный человек. Обычный город. Казалось бы, что может случиться такого, чтобы человек кардинально изменился и превратился в убийцу? Оказывается, не так уж и много.

Роман жёсткий, но не жестокий. Он рассказывает о том, как человека устаёт от окружающей действительности и решает предпринять хоть что-то, чтобы изменить этот мир – он обращается к убийствам.

Хладнокровно продумывая каждое новое дело, главный герой не замечает, как сам начинает меняться. Ему всё сложнее и сложнее себя контролировать. Жажда убийства выходит из-под контроля...

Содержание

Был самый обычный день	5
На следующий день	14
Завтра	16
Три дня спустя	21
Пробный вариант	26
Перст судьбы	31
Выходные	37
Другое оружие	51
Еще один день в деревне	58
Пора домой	64
Случайность или закономерность?	70
Время бездействия	79
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Артём Патрикеев

Изменить этот мир

Все события, происходящие в книге, вымышлены.

Возможные совпадения с реальными событиями или персонажами являются случайными.

Мнение автора может не совпадать с мнением героев книги.

© ЭИ «@элита»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Был самый обычный день

Я возвращался домой. Мрачные серые облака – как это прекрасно! Наверняка меня поймет не каждый. Не все видят красоту сумерек, серого неба, темных, почти черных облаков. А я вижу! Тот, кто играл в DOOM, особенно в первые две части, поймет меня, но это неважно. Все в этом мире неважно, и в тоже время все прекрасно! Я привык во всем видеть красоту – красоту дождя, осени, даже зимы. А уж о красоте тумана можно говорить вечно. Эта серая, сказочная атмосфера, когда из белого молока vyplывают размытые фигуры, дома, деревья – это же так великолепно! Я вижу это, я это чувствую.

Сегодняшний темный осенний день, подходя к своему концу, вобрал в себя все самые лучшие природные явления: теплый ветерок, мягко шелестящий листьями и нежно перебирающий волосами, заходящее солнце, окрашивающее пурпурным цветом набегающие тучи и горизонт, безмятежное спокойствие, сквозившее во всех проявлениях природы. Возвращаться после работы прямиком домой не хотелось, такие дни выпадают нечасто, поэтому упускать их было глупо. Проходя мимо пруда, я не мог не остановиться. Утки что-то весело кричали и барахтались в воде, осенние листья, подгоняемые ветром, плыли к берегу. Идиллическая картинка. Я не мог не засмотреться...

– Что за ..., твою...,!

Эти слова, хотя эту гадость даже словами называть противно, вырвали меня из грез. Обернувшись и увидев говорившую, я оторопел. Говорившей, а точнее изрыгающей из себя эту гадость, оказалась молодая миловидная девушка. Черная мини юбка, открывающая всю красоту ее точеных ножек, была одета не по погоде, а открытая блузка демонстрировала со всем возможным откровением ее молодую, еще не оформившуюся грудь.

Неужели под этой прекрасной оболочкой скрывается такая мерзость?! Удивление быстро переходило в злость.

Как так можно? На свете столько хороших слов, но надо было сказать именно это! Я отвернулся и сжал кулаки. Трудно такое выдержать. Трудно. Но надо быть сильнее своих эмоций, я буду бороться.

Решительным шагом, постаравшись отбросить негативные мысли, я бросился домой. Только бы больше ничего не слышать, только бы никто не заговорил! Сейчас я готов был нагрубить всякому.

Мне повезло, знакомых поблизости не оказалось, и я беспрепятственно добрался до дверей лифта.

– И почему только, когда я прихожу, лифт всегда стоит на четырнадцатом этаже? Причем лифтов у нас два, но когда я вызываю, спускаться начинает тот, что повыше. И ведь это не случайность, это закономерность, – негативные мысли уже поглотили меня целиком и полностью.

Через некоторое время лифт все же спустился, хотя я уже думал идти пешком. Да я бы и так всегда ходил пешком, но чтобы подняться наверх, приходится открывать и закрывать кучу дверей! Все эти лестничные пролеты, пожарные лестницы... Да при пожаре люди сгорят раньше, чем смогут протолкаться через все эти двери! Поэтому я езжу на лифте. А еще по лестницам ходить противно – вечно кто-то пиво пил, или семечки грыз, или еще что похуже.

– Оплеванные кнопки! Ну что за бред! То ли день у меня такой, то ли это знак свыше. Знак свыше? Об этом стоило подумать, – увиденное в лифте не радовало, но наводило на разные мысли.

Живу я на 13-м этаже. Люблю эту цифру, хотя квартиру, конечно же, выбирал не я. Я в ней родился, точнее, родился я в роддоме, но жить начал в ней. Прекрасная двухкомнатная квартира, я так ее люблю! Возможно, это всего лишь привычка и воспоминания детства, но мне на это наплевать. Здесь мне хорошо, остальное неважно.

Кнопку лифта пришлось нажимать шариковой ручкой, которую я тут же и бросил. Понимаю, что мусорю, но ничего с собой поделатъ не могу. Я попросил прощения у лифта, но побороть отвращение просто не было сил. Неужели этому человеку (человеку?), не пришло в голову ничего более интересного, ничего более осмысленного и полезного? Полезного для себя, не для других? Похоже, нет. Чувства юмора у него хватило только на оплеванные кнопки. В какой-то сте-

пени я еще могу понять тех людей (это обычно дети), которые жгут кнопки лифта спичками и зажигалками, здесь хотя бы есть место эксперименту. А смогут ли кнопки оплавиться, а что будет, когда они оплавятся? Конечно, это напоминает вопросы дебилов, но все же это хоть что-то! Но оплевывание! Это уже слишком. Мне бы хотелось стереть слюны физиономиями этих идиотов, или этого идиота. Но я не супергерой, а совершенно обычный человек. Вот выбрал бы меня Бог своим архангелом или ангелом-мстителем! Я быстро разобрался бы со всякими недоделанными людьми.

Преображение состоялось мгновенно, и вот я уже с крыльями и огненным мечом в руках. Рука занесена над провинившимся, и громовой голос, исходящий из моего рта, вещает: «Помнишь оплеванные кнопки лифта? Думаю, да! Прими же свою кару!» Меч опускается на голову хулигана, разрубая его на две ровные половинки. Все чисто, крови нет, кишки и внутренности не вываливаются, от огненного меча кровь свернулась, а все внутренние органы припаялись к телу.

Фантазия пролетела в моей голове и исчезла, оставив только злорадную усмешку на губах. Эту усмешку я увидел в зеркале. Все-таки не зря в новых лифтах повесили зеркала, так ехать намного веселее, да и кабина кажется больше, чем есть на самом деле.

Все, приехал. Наконец-то дома.

Дома меня ждала мама, она всегда меня ждет. Не знаю

зачем, я ведь уже довольно взрослый, двадцать пять – это уже много, практически четверть жизни столетнего человека, хотя я надеюсь, что не проживу столько. Зачем жить, когда немощен и недееспособен? Когда ты сам еле передвигаешь ногами, а руки трясутся так, что не могут переключить кнопку пульта? Это, конечно, моя точка зрения, но в то же время я не считаю самоубийство выходом. Не зря церковь осуждает самоубийц, ведь это люди, которые сдались, они проиграли. Только люди со слабой силой воли на такое способны, ведь для решительного шага достаточно собраться на одну секунду, а вот чтобы жить долго, надо собираться с силами ежедневно, день за днем, год за годом, и так пока сам организм не скажет – хватит.

Я не люблю самоубийц, я их не уважаю. А вот стариков, которые, какими бы немощными они ни были, но которые продолжают жить, а лучше еще – продолжают радоваться жизни, – таких уважаю, это достойные люди. Думаю, и смерть они примут достойно. Поэтому, когда я боюсь старости, скорее всего, я просто боюсь, что не выдержу. Не выдержу изменений своего состояния, физического, психического. Я мало чего боюсь, но немощной старости очень.

А мама всегда ждет, она будет ждать и в тридцать, и в сорок лет, ведь для нее я всегда остаюсь ребенком. Она была женщиной, как говорится, в самом расцвете сил. Невысокая, полноватая; глядя на нее, никто не давал ей больше тридцати-тридцати пяти лет, хотя ей уже было под пятьдесят.

– Привет. Что-то ты какой-то мрачный? – мамин вопрос разбил мое мысленное построение. – На работе что-нибудь?

– Конечно же нет! – довольно грубо ответил я, о чем тут же пожалел, потом добавил уже намного спокойнее, – Все нормально, просто иногда по улице так противно ходить, что просто жуть.

– Да, я пока в магазин ходила, все штаны испачкала. Но на то она и осень, чтобы радовать нас дождем и лужами, – мама не поняла, что я имел в виду, а уточнять смысла не было. Пусть лучше думает, что я недоволен погодой, спокойнее будет.

– Ты давай быстрее раздевайся, мой руки и садись за стол, все уже горячее, – мама прошла на кухню.

И зачем она все время напоминает вымыть руки? Это же и так понятно! Я уже давно, лет двадцать назад, начал сам мыть руки перед едой и без всякого напоминания. Видимо, это уже вошло у нее в привычку. Что ж, не стоит обращать внимания на всякие мелочи. Еда – это вещь хорошая и полезная. На работе, конечно, дают обед, но сколько бы я там ни съедал, домой всегда прихожу голодный. Может, это организм такой, а может это из-за того, что на работе дают обезжиренную пищу. Временами вкусно, но явно низкокалорийно. Вроде бы объешься хорошенько, а через час смотришь, а вроде как и не ел. Ну да ладно, это уже отдельный разговор.

Сегодня мама приготовила суперужин – жареную картошку с жареной же курицей. От такого отказаться невозможно.

Даже если бы я не был голоден, я бы все равно все съел, и пусть даже потом мне будет плохо (хотя на самом деле плохо мне еще не было ни разу).

Мы сели перед телевизором в большой комнате и, уминая картошку с курицей и запивая все это дело компотом, смотрели новости.

Я вообще-то люблю смотреть новости, но некоторые моменты меня просто раздражают. Из телевизора донеслось: «Я передаю слово моему коллеге в Кыргызстане Олегу Пончикову. Здравствуйте, Олег!»

В ответ тут же донеслось: «Здравствуйте, Татьяна! У нас в Кыргызстане сегодня...»

Честно говоря, дальше слушать уже не хотелось. Почему современные журналисты нас не уважают? Нас – я имею в виду зрителей? Когда-то в стародавние времена (я еще помню их) дикторы и репортеры не забывали здороваться с нами, а теперь они ведут диалог между собой, а мы тут, понимаешь, с боку припеку! Отвратительно!

Поблагодарив маму и помыв посуду, я уселся за компьютер. Как уселся, так и встал. Ни играть, ни печатать не хотелось. В душе все бурлило и клокотало, даже ужин практически не способствовал смягчению моего настроения.

Именно сегодня я решил записывать все, что со мной происходит. Кому и для чего это делается, я не решил. Видимо, это просто выход моей энергии, выход моей злобности и вредности. Многие для этих целей вешают дома грушу, у

меня же нет места, да и стучать вряд ли придется – стены тонкие, соседи рядом. Помнится, в детстве я решил немного поиграть с мячом, так тут же прибежали. Причем сначала, видимо, чтобы меня вразумить, стали стучать по батарее. А когда прибежали, стали жаловаться, что у них спит маленький ребенок, а я своим стуком ему мешаю. Если я их правильно понял, батарейным грохотом они ему не мешали...

Я опять представил себя ангелом, карающим всяких моральных уродов направо и налево. Вроде немного помогло, но лишь немного. Помечтал полчасика, и в голову опять полезли безрадостные мысли о том, что наша планета, вероятно, одна из самых прекрасных планет во вселенной. В ней есть все хорошее, что может быть где-либо, но у этой планеты есть один недостаток – люди, населяющие ее. Люди – это ужасное зло, которое призвано исковеркать и испоганить все красивое, прекрасное и великолепное. Тяжело это осознавать, но я и сам принадлежу к этому классу существ. Я человек, и это явно звучит не гордо. Но может быть, не все так плохо? Хотя, похоже, все. Природа уже не справляется, а естественный отбор сейчас отбирает матерящихся, плюющих, жующих моральных уродов, их с каждым днем становится все больше и больше. Неужели нет выхода? Планета обречена? Но ведь есть и неплохие люди, я не говорю хорошие – неплохие. Например, я, моя мама. Да мало ли еще кто! Есть один выход: надо, чтобы наша планета очистилась от этих моральных уродов, и все будет замечательно. Но есть

проблема – нельзя их всех собрать в одно место и истребить. Оружие массового поражения здесь бессильно, да я к нему и не доберусь. Как говорится – не тот уровень допуска. Но нельзя же сидеть сложа руки. Я жизнь готов отдать, чтобы эта мечта осуществилась! Необходима израильская тактика точечных ударов. Это единственный верный способ на данный момент. Возможно, я ненормальный, но я не псих, который ради достижения своей цели готов уничтожить все живое. Уничтожь землю – и проблема отпадет сама собой! Конечно, это не вариант. Тогда я как раз уподоблюсь этим ма-ньякам, рвущимся к власти, которые способны загубить все что угодно, лишь бы оказаться на высоте, урвать свое кресло и не вылезать из него до конца своих дней. Жаль, в их гробы это кресло не влезает, а то еще и там бы сидели...

Эта мысль серьезно засела в моей голове. Время было уже позднее, и пора было отправляться спать, завтра же опять подъем в 6 часов. Как же мне все это надоело! Как хочется найти такую работу, при которой можно выспаться! Но, видимо, судьба у меня такая, ничего не поделаешь...

На следующий день

Следующий день проходил все так же безрадостно и серо, как всегда. На обратном пути, когда я заглянул в переходе в одну из палаток, мне попались на глаза ножи. Так, обычные ножи, ничего особенного. Сам не понимаю почему, но мне очень захотелось поддержать один из них. Еще не взяв в руки, я уже чувствовал его приятную тяжесть, а получив в руки мощный широкий нож с деревянной рукояткой, почувствовал, как наполняюсь силой и уверенностью – вот она, магия оружия!

Зарабатываю я нормально, так что покупка двадцатисантиметрового ножа (это вместе с ручкой) для меня была необременительна. Да, собственно говоря, хватило бы и на большее количество, но зачем? Я же не собирался бегать по городу обвешанный оружием, как Рембо какой-нибудь.

Дома мама встретила меня пирожками. Это было так замечательно! Всегда обожал пирожки, особенно сладкие. Поинтересовавшись причиной такого праздничного ужина, я узнал, что мама завтра уезжает на неделю в деревню к бабушке, вроде как помочь по дому и все такое. Мне это было только на руку. Ведь очень хотелось опробовать приобретение, а маме его показывать я не решался, мало ли что она могла подумать.

Перед сном, закрывшись в своей комнате, я вертел нож и

так и эдак, перебрасывал из руки в руку, пытался вращать и делать выпады. Честно говоря, получалось не очень хорошо. При вращениях и кручениях я обязательно его ронял, а помахавши им минут пять, уже чувствовал себя уставшим и вымотанным.

Не такое уж простое дело – управляться ножом. Но ничего, надо лишь дождаться завтрашнего вечера. Ведь когда мама уедет, квартира будет в полном моем распоряжении. Тогда-то в спокойной обстановке можно хорошенько попрактиковаться.

Ложась спать, я еще и сам не знал, зачем мне это нужно и куда это может привести. Я думал, что, дав выход своей энергии, стану намного более спокойным и уравновешенным. Но, похоже, что я ошибался...

Завтра

Завтра наступило, как всегда, в 6 утра. Пожелав маме доехать до деревни как можно менее измятой, я отправился на работу.

Честно говоря, работа – это не самая интересная часть моей жизни. Хотя нет, я неправ, иногда попадаются и интересные моменты. Я работаю массажистом.

Я уже вижу, как вы представляете здорового, рукастого мужика два на два. Не угадали. Я работаю детским массажистом, беру детей не старше четвертого класса. Вот так-то. Дети – это как раз и есть самая интересная часть работы, от них всегда можно узнать правду жизни, узнать все самое интересное и суметь по-детски взглянуть на этот мир.

Домой я шел, думая о детях. Трудно было представить мир, в котором им предстоит жить. Мир мата и хамства. Пива и наркоты. Это было ужасно! Почему же никто не хочет подарить мне крылья и огненный меч? Разве я недостоин?

Хотя что я говорю... Бог действует через людей, через события и обстоятельства, а не напрямую. Вот для чего мне нужен нож! Он и станет моим огненным мечом!

Эта мысль огнем ворвалась в меня, прокатилась по кровеносным сосудам. Сердце бешено заколотилось, голова была как в тумане. Вот оно, решение. Охота на моральных уродов! Название мне не очень понравилось. Длинно и маловразу-

нительно. Лучше просто – Очищающий землю.

Сам себя называю, и сам же удивляюсь. Почему люди так любят громкие имена? Эта бравада перед боем, дарующая людям смелость и силы!

Нет, так не пойдет. Я не собираюсь становиться известным мстителем. Моя задача очищать, а не пропагандировать и создавать революционное движение. Надо стать обычным Уборщиком. Так, вероятно, будет намного лучше, проще и понятнее. Хотя мне и имя новое не нужно. Зачем оно мне? Я один, друзей, с которыми я буду выходить на охоту, нет, да и зачем? Это мой выбор, и мне нести этот крест.

Дома, после того как мама уехала, стало как-то тихо. Но лучше тихо, чем лишние вопросы. Жаль, что негде раздобыть манекен, на котором можно было бы потренироваться в искусстве владения ножом (громко сказано, не правда ли... а на самом деле, просто научиться быстро бить, быстро вынимать, а главное – не ронять). Для этой цели пришлось использовать старую детскую грушу, дополнительно обмотав ее какими-то старыми тряпками. Я уже хотел приступить к своей первой тренировке, когда решил, что частые удары могут быть слышны соседям, и включил радио. Всегда надо стараться обезопасить себя со всех сторон. А теперь к делу!

Во-первых, надо попробовать, как удобнее и надежнее бить. Обратный хват удачно подошел для того, чтобы резать и для удара сверху вниз. Обычный хват – явно не лучший

вариант: труднее удерживать, неудобнее бить. Возможно, даже скорее всего, профессионалы меня засмеют, но у меня не было знакомых любителей ножей, так что до всего приходилось доходить самому. В голове, конечно, есть запас фильмов, в которых герои (плохие и хорошие) крошили, тыкали и резали такими же ножами, но большинство разных наворотов мне не подходило. Нужно было что-то простое и надежное.

Итак, начнем с удара сверху вниз, держа нож обратным хватом.

Поработав минуту, я уже почувствовал усталость. Работа массажиста укрепляет руки, но не настолько. Хотя, если разобраться, скорее всего, все упирается в разную работу мышц. Я, конечно, не рассчитывал на длительные бои на ножах, но лишняя сила, а с ней и уверенность, не помешает. Поэтому с завтрашнего дня решено было откопать свой кистевой эспандер и приступить к тренировкам. Три раза в день по максимальному количеству сжиманий, по-моему, будет в самый раз.

Пока удар сверху вниз отдыхает, попробуем «резьбу по горлу» (это я придумал такое название). Честно говоря, выглядит это как наимерзейшее из убийств. Режут человека, стоящего на коленях, как барана. Отвратительно. Но знать все-таки нужно.

Это упражнение пошло намного легче. Его было проще исполнять, но трудность заключалась в том, что человек и

мой так называемый тренажер были совершенно разными. Разный материал, а значит и разные усилия, необходимые для смертельного движения. Поэтому эта тренировка была недолгой.

Третий, и на данный момент заключительный из выбранных мною ударов был удар сбоку. Нож пришлось держать обычным хватом, а ведь обратный понравился мне намного больше. Нападать таким ударом не стоило – можно было промахнуться или неудачно попасть, а вот добить – всегда пожалуйста. На удивление этот удар у меня стал получаться быстрее и лучше предыдущих.

Повозившись еще минут тридцать, поочередно отрабатывая понравившиеся удары, я решил сделать перерыв, да и тряпки, увеличивавшие объем груши, уже давно превратились в лохмотья, державшиеся, вероятно, только на одном желании.

Передохнув и выпив чашечку чая, я решил, что пора перейти ко второй проблеме: как доставать нож. Нож был в ножнах, что немного облегчало задачу. Присмотревшись, я обнаружил, что нож подходит практически идеально – как раз оставалось место для рукава куртки, снабженного стягивающей резинкой. Повертевшись перед зеркалом и убедившись, что нож увидеть практически невозможно (даже я сам, зная, где он лежит, с трудом отыскивал его), я остался весьма доволен. Похоже, нож идеаль-

ное оружие.

Запланированный перерыв закончился, но продолжать избиение тряпок уже не хотелось. Проведя контрольные проверки полученных умений, я включил телевизор. Там как всегда кто-то за кем-то гнался, периодически кого-то убивая. Как говорил один из героев Бельмондо – «рутина».

С оружием продумал, теперь что делать со своим видом? Перспектива того, что меня опознают, совсем не привлекала. Видимо, придется покупать все новое, а потом выбрасывать. На данный момент другого варианта я не видел. Решив, что утро вечера мудренее, я отправился спать, не забыв убрать все следы своего произвола, учиненного в квартире. Мало ли кто неожиданно заглянет «на огонек»....

Три дня спустя

Три дня прошли как один. Невероятная энергия, которая во мне кипела и рвалась наружу, не давала покоя. Она помогала мне, ведь теперь была цель, к которой стоило стремиться. Первым делом я посетил крупную вещевую ярмарку. Тут народу много, авось не запомнят. Здесь я приобрел черно-серый костюм и почти такого же цвета кроссовки. Где-то я читал, что самый незаметный цвет – серый, а не черный, который используется во всех фильмах (один фильм «Люди в черном» чего стоит). Ведь мыши и крысы очень часто пользуются именно этим цветом, да и кто же не знает «трусишку зайку серенького»? В общем, с цветовой гаммой вопроса даже не возникало. Такой вопрос мог возникнуть потом, когда придется покупать новый костюм, нельзя же повторяться! Заодно еще были прикуплены темно-синяя кепка с большим козырьком да пара десятков носков – мало ли, всегда могут пригодиться.

Черные очки покупать смысла не имело, ведь я собирался очищать мир в темное время суток, благо сейчас с каждым днем темнеет все раньше и раньше.

Еще за эти три дня, я дважды побывал в парке. Всегда приятно побродить в тишине и спокойствии, отдохнуть от людей и города. Парк около нашего дома довольно круп-

ный, так что найти укромные уголки было несложно. Один из таких уголков и привлек мое внимание. Привлек не сам уголок, а наполовину сломанное дерево, которое служители парка так и не удосужились убрать.

– Вот же мой тренажер! – воскликнул я про себя. Хорошо, что нож теперь всегда со мной (правда, пока что в рюкзаке). Отработка этих трех ударов много времени не заняла, да и громковато получалось. Всегда в голове сидела мысль, что кому-нибудь захочется посмотреть, что это за странные звуки разлетаются по парку. Поэтому, постучав по дереву пару минут и убедившись в прочности и остроте своего ножа, я ретировался.

После двух дней тренировок с ножом и эспандером руки стали болеть довольно сильно, зато на третий день вработались и почти не болели. Похоже, мои тренировки подходят к концу. Но тут я вспомнил, что так и не попробовал быструю смену хватов ножа! А ведь орудовать придется в темноте! Потеря ножа – это же будет огромная потеря, и найти меня легче будет, да и дело, скорее всего, не сделаю. Поэтому почти весь вечер третьего дня я посвятил перехватыванию ножа одной рукой в разные виды хватов. С каждым разом у меня получалось все лучше и лучше – недаром все-таки я массажист. Ловкость пальцев пригодилась как нельзя кстати. Постепенно я стал выполнять упражнение с закрытыми глазами, выключая свет, отворачиваясь, и в разных положениях – сидя, лежа, стоя. Все получалось замечательно.

И только на четвертый день я, наконец, сообразил, что действовать придется не только ночью, но и в перчатках! Тренировки пришлось начинать почти сначала. Купив три пары самых тонких черных перчаток, я начал испытания. Это был кошмар! Казалось бы, все отработал, все замечательно – и на тебе! Нож валится из рук, пальцы почти не слушаются, да и чувствовать приятную поверхность ручки ножа не получается.

Весь следующий вечер после работы мне пришлось провести в перчатках. Нож стал намного более послушным, но все равно он продолжал иногда вырываться из рук и падать. Примерно раз в минуту неприятный грохочущий звук нарушал стройный звуковой ряд, льющийся из радиоприемника. А ведь падение ножа стоило расценивать как смертельный промах!

Контрольные испытания своих умений я все же успел провести до приезда мамы. За десять минут выкрутасов нож не упал ни разу. По-моему, тест пройден, решил я. Похоже, что мои руки уже готовы к заданию, но вот готов ли я сам?

Я уже видел разные трупы, и не только по телевизору. Для этого существуют морги. Когда я еще учился, у нас была практика в больнице, и вот мне посчастливилось попасть в морг на вскрытие (не мне одному, конечно – всей нашей группе). Это испытание прошли не все. Честно говоря, вид мертвого человеческого тела не вызывал никаких положи-

тельных эмоций. А бесцеремонное обращение с мертвыми телами, которое с радостью продемонстрировали патологоанатомы, вообще почти возмущало. Я НИ ЗА ЧТО НА СВЕТЕ НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ МЕНЯ ВСКРЫВАЛИ!!! Это ужасно.

Морг довольно противное место, мне бы там кусок в горло не полез, в отличие от часто показываемых в фильмах патологоанатомов, которые вечно там что-то жуют или пережевывают – наверное, этим они хотят показать свое пренебрежение к трупам. Мне-то тоже на них было плевать (я имею в виду трупы, хотя, если подумать, то и на патологоанатомов тоже), но это не значит, что я позволил бы себе что-то есть в их присутствии (в присутствии трупов, конечно, в присутствии патологоанатомов я мог бы есть совершенно спокойно – мне на них плевать еще больше). Так вот, аппетит вид мертвых тел не вызывал (похоже, я не Ганнибал Лектор, что радуется), но и отвращения я не испытывал. Был только интерес. Интерес ко всему, как и что происходит. Но, честно говоря, мне всегда хотелось бы знать: чувствует человек, как его вскрывают, или нет? Ведь если душа его еще на земле (если исходить из православных канонов), вскрытия ведь сейчас проводятся довольно быстро – второй, третий день и все – получите заключение. Тогда душа может наблюдать весь процесс надругательства над своим телом: как его режут, достают все ненужные теперь органы, набивают живот всяким бардаком, включая использованные материалы и перчатки,

зашивают. Что может происходить с душой в это время? Я глубоко сомневаюсь, что она радуется, если только она не хочет кому-нибудь отомстить своей смертью. Тогда она может взирать с надеждой и трепетом, ожидая того момента, когда патологоанатом найдет улику или ту важную вещь, которая лишила эту душу своего тела.

А душа, которая покинула свое тело легко и спокойно, например, во сне, может только переживать за то, что с ним делают. Это родное, теперь уже такое далекое тело, над которым издеваются, называя это работой, кромсают, попутно зубоскаля. А еще хуже, когда приводят толпы студентов-практикантов, которые не испытывают, да и не собираются испытывать никакого почтения к телу человеческому. Им еще не понять того совершенства, которое подарила природа человеку. Они видят лишь мышцы, кости, внутренние органы, иногда немного крови. Да, может, вы удивитесь, но когда я смотрел вскрытия, то крови было немного. Это только в фильмах патологоанатомы ходят как мясники – халаты в крови, руки тоже... Бред, да и только.

В общем, трупов я не боялся, вида крови тоже не очень. Хотя, честно говоря, вид крови мне не доставлял никакого удовольствия. Помнится, я сдавал однажды кровь из вены – фу как неприятно, но терпеть можно.

Так что, как принято в психологии, взвесив все минусы и плюсы, я решил, что морально-волевая подготовка у меня на высоте и с этим проблем не будет...

Пробный вариант

Мама должна была вот-вот приехать, но оказалось, что бабушке намного хуже, чем она предполагала, поэтому точное время приезда было неизвестно – может дня через три, а может еще через неделю. На мое предложение о помощи она ответила категорическим отказом, мотивируя его тем, что на данный момент я ничем помочь не мог, а деньги, которые я зарабатываю, скорее всего, будут намного нужнее, чем мой приезд (лекарства и все такое прочее). Порешили на том, что если что-нибудь случится, то она мне тут же сообщит.

Что ж, это некоторым образом, развязывает руки. Сегодня я как раз собирался зайти в гости к своей девушке. Сам подумал, и сам же удивился: что значит «к своей девушке», что она – моя собственность, что ли? Мы оба абсолютно независимые люди, встречаемся, когда захотим, расходимся, когда захотим. Самое интересное, что наши вкусы совпадали настолько, что желание встречаться и расставаться у нас возникало в одно и то же время. В общем, мы были идеальной парой, во всяком случае на данный момент. К тому же ее родители еще в прошлом году уехали в Англию на заработки и возвращаться не собирались, оставив квартиру на нее. С их стороны это был бесподобный подарок.

Дорога к ней лежала через метро и небольшие лесонасаждения, включая мост через Язу. Шел я поздновато, так что

уже было темно. Осень все-таки, конец октября.

Идти было приятно. Народу попадалось немного, почти никого, а фонари, которые должны освещать путь к мосту, горели только в начале пути, до церкви, дальше стояла сплошная темень. Точнее, так казалось, потому что переход от светлой улицы к темной был очень резким, так что глаза просто не успевали привыкнуть. Похоже, я нашел идеальное место для убийства.

Конечно, сегодня я был не готов – костюм не одел, нож все еще в рюкзаке. Но попробовать, хотя бы для тренировки, хотелось.

Вернувшись обратно к метро, я выбрал полную женщину, которая бодро шагала в нужную мне сторону. Против этой женщины я, конечно, ничего не имел, да и не собирался я сегодня мараться. Но пройти этот путь еще разок казалось неплохой идеей.

Следовать за этой женщиной оказалось слишком просто. Нужная скорость, взгляд, смотрящий под ноги, и все. Смотреть на женщину прямо я не решался. Недаром говорят (да я и сам проверял), что люди часто чувствуют, когда на них смотрят. Они могут не видеть того, кто смотрит, но чувствовать будут. А моя задача состояла в том, чтобы остаться полностью незамеченным.

Всю дорогу я держался от нее метрах в тридцати, но когда она стала подходить к затемненной зоне, ноги сами понесли меня быстрее. В темноту я вошел за ней с разрывом в метров

десять, не больше. Но, сразу нападать было бы невозможно – зрение еще не адаптировалось, а промах был недопустим.

Неосвященный участок пути был метров сорок-пятьдесят. Дальше, после моста, уже начинались светлые пятна, так что времени было немного. Чуть только глаза попривыкли, я ускорился. До моста оставалось не более пяти метров, когда я довольно резво проскочил мимо женщины. От неожиданности она вздрогнула. Это послужило для меня гарантией, что ранее она меня не заметила, а значит, не была готова к возможной атаке сзади.

Довольно ухмыльнувшись, я, не снижая скорости, пересек мост и скрылся во дворе. Не думаю, что женщина смогла меня разглядеть, хотя сейчас это было неважно. Зато снова можно было погордиться своей бесшумной походкой. На работе я тоже часто пугаю народ, неожиданно, как они считают, подкрадываясь, а на самом деле подходя. Ведь людей даже не надо специально пугать криками или прикосновениями, достаточно тихо подойти и что-нибудь спросить. Эффект обеспечен. На работе мне уже несколько раз предлагали ключи с собой таскать или колокольчик, чтобы всегда слышать, где я.

Настя встретила меня очень приветливо и чуть не оторвала голову, когда повисла на шее. Нет, вы не думайте, что она такая тяжелая, просто разбег, с которого был совершен прыжок, был довольно приличным. Но ничего, шея выдержала, и голова осталась на месте.

Долгий и страстный поцелуй принес такое море блаженства, что все мысли ушли в небытие (чтобы вскоре вернуться вновь).

Я отнес ее в комнату, где море нашей любви превратилось в океан, который заполнял все пространство, окружающее нас...

Уже ночью, сидя на кухне и попивая чай в темноте, мы смотрели на звезды. Луна пока еще находилась с другой стороны дома и не затмевала их своим светом.

– Звезды такие прекрасные. Вечные и в тоже время бранные. Ведь мы смотрим на звезды, а возможно, что многие из них уже мертвы, и лишь только свет, который так долго блуждал в бездонной тьме космоса, остался от них. Возможно, мы смотрим на последние мгновения какой-нибудь звезды. Звезды нет, а мы все смотрим на нее и смотрим. А ее уже нет тысячи лет! А мы все еще можем на нее смотреть... Это так непонятно.

– Ты права, – ответил я Насте. – Звезды живут очень долго, но что они могут оставить после себя? Лишь свет, который мы или какие-нибудь другие существа увидят, удивятся, заинтересуются, а потом забудут.

– Я с тобой не согласна. Вот, например, наше солнце. Если все будет хорошо, то оно оставит после себя нас. Ведь без него наша планета была бы совсем другой.

– Конечно, но вот стоило ли? Ты уверена, что польза от

нашего, точнее, людского существования, будет перевешивать наше отсутствие (точнее отсутствие людей)? Неужели ты думаешь, что вселенная что-то потеряет, если мы покинем ее навсегда?

– Думаю, потеряет, иначе она не дала бы нам появиться. – Настина вера в законы вселенной была непоколебима. И я во многом был с ней согласен, но спорить всегда было моим любимым делом. Спор ради спора – уже интересно. А если в нем еще и истина проскальзывает, то вдвойне.

– Если исходить из того, что вселенная бесконечна, то вся наша планета вместе с нами является лишь малюсенькой песчинкой, такой малюсенькой, что ею можно пренебречь. На тебя, например, повлияет как-нибудь то, что с песчаного пляжа уберут одну песчинку? Думаю, нет. А ведь на песчинке может жить огромная колония каких-нибудь микробов. Но ты этого даже не заметишь! Даже если убрать целое ведро песка с пляжа, никто этого не заметит. А вселенная – это бесконечно огромный пляж, в масштабах которого земля еще меньшая песчинка, чем мы с тобой можем представить.

Наш спор продолжался не менее получаса, пока я не посмотрел на часы и не предложил отправиться спать, ведь подъем в шесть утра еще никто не отменял...

Перст судьбы

Вернувшись с работы на следующий день, я подумал, что время уже пришло. Пора браться за «основную» работу.

Этому способствовало два фактора. Первый, совсем немаловажный – это то, что на улице шел дождь. По-моему, это может быть весьма на руку: собака след не возьмет, да и видимость хуже – в случае провала могут потом не узнать. А второй – завтра суббота, выходной, так что можно остаться у Насти на целый день, а может и на два.

С другой стороны, убивать недалеко от дома, в котором живешь (хоть и изредка) – не очень хорошая мысль, так что я еще толком не определился, но подготовиться на всякий случай решил.

Серый костюм, кроссовки, кепка, перчатки – вроде ничего не забыл, даже носки новые одел. Вещи на замену лежат в рюкзаке (который был куплен пару дней назад так, про запас).

Тренировочные штаны я надел поверх своих повседневных, потому что переодеваться предстояло быстро.

Что делать с ножом, я так и не решил. Если прикручивать ножны прямо к руке, то на них могут остаться кусочки кожи или волос, что-нибудь, что может служить серьезной уликой. Поэтому нож был спрятан в рюкзак. Придется ориентироваться по обстановке.

Перед выходом из метро я немного приоткрыл рюкзак, так, чтобы туда спокойно пролезала рука, ведь звук расстегиваемой молнии могла услышать жертва.

Выйдя и оглядевшись, я только сейчас подумал: «А на кого мне сегодня охотиться?» Я не изверг какой-нибудь и не маньяк изувер, я бы сам этих маньяков с удовольствием порешил. Правда, есть опасение, что они все-таки окажутся хитрее, чем я, тем более что вычислить и сказать на сто процентов, что это маньяк, невозможно. Я лишь хочу очистить этот мир от мрази. Поэтому, если ничего не произойдет, то день закончится ничем. А про рюкзак с вещами Насте можно будет объяснить очень просто – дождь за окном, да и приеду я не на один день.

В сторону церкви шло немного народу. Все кутались в свои одежки или держались за зонты. Разговоров слышно не было. По всей видимости, погода всех угнетала.

Впереди шло человека четыре, да по пути меня обогнали двое. Я шел не торопясь, стараясь внимательно, но ненавязчиво оценить обстановку.

С одной стороны, дождь – это много плюсов, с другой, есть один минус – могут остаться грязные следы. Над этим стоило подумать.

Дождь лил как из ведра, временами ослабевая, но вскоре

снова набирая свою силу. Честно говоря, такая погода мало радовала, ведь я уже промок почти насквозь, а зонт брать с собой было бы глупо, хотя... Ну, во всяком случае, неудобно – еще и с ним возись...

Перед церковью дорога разветвлялась. Как это ни удивительно, но все путники пошли по левой, моя же дорога пролегла справа.

И вот именно теперь я понял, куда меня направляет судьба. Перед церковью стоял какой-то пьянчуга и блевал.

Он не мог найти никакого другого места, как здесь, перед церковью! Кровь бросилась мне в голову. Большей гадости я еще не видывал. Но время действовать еще не пришло. Я шел медленно, так что пьянчуга сумел отблеваться и, матерясь и харкая, пойти дальше, подходя к темному участку дороги все ближе и ближе...

Я шел следом, как тень. Расстояние между нами все сокращалось и сокращалось. Он вступил в темноту, следом за ним я, отставая на пару шагов. Обернувшись и убедившись, что за нами никто не идет, я продолжал свое преследование. Хотя преследованием это назвать было трудно. Пьянчуга ковылял еле-еле, периодически выплевывая изо рта всякие ругательства.

Неожиданно он остановился, положил руку на грудь, и его снова вырвало. Не удержавшись на ногах, он упал на колени.

Весь в грязи, блюющий – и это существо способно называть себя человеком! Сама судьба направляет меня. Его вре-

меня пришло!

Я остановился сзади. Медленно, не делая резких движений, что, скорее всего, ни на что бы не повлияло, я достал нож. Глаза уже хорошо привыкли к темноте, и все предметы различались довольно отчетливо.

Сначала мне хотелось ему что-нибудь сказать, что-то вроде «Твое время пришло, мразь!», или «Сегодня последний день, когда ты мараешь эту землю!» Но, подумав логически, я пришел к выводу, что это выглядело бы глупо и нелепо. Неужели каждый дворник, выбрасывая очередную мусорину в контейнер, будет говорить ей всякие возвышенные слова? Да он сам себя засмеет за такое. Так что, недолго думая, поймав момент относительного затишья, я схватил пьянчугу за волосы и рванул его голову на себя, открывая горло для ножа.

Раз он стоит как баран, то и смерть ему будет баранья – решил я и полоснул его по горлу. Раздались булькающие звуки, которые показались мне очень громкими. Возможно, я не очень удачно попал, но человек, если его можно так называть, был еще жив и, продолжая стоять на коленях, все хрипел и булькал.

Второй удар я нанес ему в горло сбоку. Этот удар у меня уже был отработан почти до автоматизма, поэтому здесь осечки не было. Лезвие вошло довольно легко – видимо, позвончик я не задел. Выдернув нож обратно, я нанес завершающий удар – такой же удар в горло, но, повернул лезвие

немного вверх, надеясь на то, что лезвие достанет до его мозгов, которые, вполне возможно, он уже пропил...

Дело было сделано. Не сказал бы, что очень чисто, но добротно. Для первого раза, по-моему, неплохо. К мертвому пьянчуге я больше не прикасался. Конечно, хорошо было бы симитировать ограбление, но я не вор и не грабитель. Я боец за чистоту человеческих рядов. Поэтому мне было противно к нему прикасаться.

Проблему со следами я разрешил довольно просто. Выйдя на середину моста (который, естественно, тоже был в темноте), я поменял там обувь и одежду, сложил все это в рюкзак (предварительно достав из него пакет с личными, неподлежащими выбросу вещами) и бросил его в речку. Ножик последовал отдельно, за ним полетели и ножны. Я видел, как течение уносило мой рюкзак, который, постепенно набирая воду, погружался все глубже и глубже. Я надеялся, что речка унесет мои вещи подальше, что должно затруднить поиск преступника (то есть меня). Последними в речку полетели перчатки.

Дождь должен был смыть все следы от моих кроссовок на мосту, ну а о запахе, я думаю, можно вообще не упоминать.

Сегодня судьба дала мне идеальный шанс. Надеюсь, я ее не подвел.

Прямым путем направиться к Насте мне показалось несколько опрометчиво, поэтому, обойдя пару домов, я вернулся по другой дороге почти к самому метро и купил там газету, перекинувшись парой слов с продавщицей, надеясь, что на всякий случай она меня запомнит и заметит, что я иду совсем другой дорогой.

Теперь путь через церковь был для меня закрыт. Как часто говорят: «Преступник всегда возвращается на место своего преступления». Что ж, может быть я когда-нибудь и пройду там еще разок, через год или полтора. А может, провожая Настю, я пройду там и раньше, но в остальных случаях – все, дудки.

По дороге я заглянул в булочную, и знакомая продавщица радостно выдала «мой обычный заказ» – белый и половинку черного. Не знаю, правильно это было или нет – показывать-ся знакомой продавщице, но сделанного не воротишь...

Выходные

Войдя в подъезд, я, как всегда, наткнулся на консьержку, которая, перелистывая какую-то газету, поинтересовалась, не закончился ли дождь. По моему виду это было оценить несложно, но задавать бессмысленные вопросы – самое любимое развлечение консьержек.

Стряхнув с кепки (запасной, конечно) воду и встряхнув головой, не забыв поздороваться, я сообщил ей, что в ближайшую неделю дождь прекращаться не собирался и направился к лифту. «А вы зонтиком пользоваться не пробовали?» Вопрос прозвучал мне в спину.

– Пробовал, не получается – только и смог ответить я.

Как же я не люблю этих все высматривающих, выслушивающих, вышепчивающих старушек. Все им надо знать, везде должен сунуться их нос. Именно таких и берут в консьержки, идеальный вариант. Уж от такой следопытки ничего не скроется!

Ну да ладно, это не самая интересная тема для обдумывания. Хотя...

Настя встретила меня в полупрозрачном халатике, который даже не собирался скрывать обалденное черное нижнее белье и потрясающую фигуру.

– Ты думаешь, я прямо так на тебя и наброшусь?

– Вообще-то да, – с ехидной улыбкой ответила она.

– Но я же не животное, у которого чувства сильнее разума, – говорил я, снимая верхнюю одежду, – Мне же еще надо руки помыть, мало ли что там в метро живет.

Пока я мыл руки, Настя прислонилась ко мне сзади, и ее руки оказались на ремне моих брюк. Ремень как будто ждал этого момента и расстегнулся практически мгновенно, молния с пуговицей продержались ненамного дольше.

Все остальное было как во сне. Помню лишь урывками: мы были уже без одежды, я несу ее на руках – а вот уже и спальня, кровать, мягкая, удобная и зовущая...

Мне показалось, пару часов спустя, что мы заснули одновременно, так и не разжимая объятий.

Ночью она проснулась и нежными прикосновениями вырвала меня из сна – как все говорят, «из объятий Морфея». Хотел бы я посмотреть на этого Морфея, который может держать в своих объятиях несколько миллиардов человек!

В ее взгляде, который в темноте был почти не виден, чувствовалось что-то нежное и в то же время хищное (хотя, возможно, это была игра света, точнее отсутствия оного). Мягким движением я повернул ее на живот и сел рядом. Поглаживание, глубокое поглаживание, вот и до разминания дошла очередь. Мне кажется, что массаж в моем исполнении действовал на Настю усыпляющее. Пять-десять минут – и казалось, что она уже спит. Но всегда это оказывалось не так.

Спина, воротниковая зона, шея, поясница – руки спускались все ниже и ниже, добираясь до долгожданной и всегда желанной попки. На этом мягком и приятном месте стоило подзадержаться. Если массаж спины и шеи был уже рутинной, довольно скучной и неинтересной, то массаж попки всегда вызывал только положительные эмоции. Потом очередь дошла и до ног. Переворачиваться Настя не захотела. Точнее, быстро развернувшись, она обняла меня крепко-крепко, прижавшись своей грудью к моей, и мы слились в долгом и страстном поцелуе. Казалось, что вечность проносится мимо нас, поколения сменяются поколениями, звезды рождаются и умирают, а наш поцелуй все продолжается и продолжается. Создавалось ощущение, что он будет длиться вечно.

Но все хорошее когда-нибудь проходит, собственно, так же, как и плохое. Я откинулся на подушку и перевел дыхание. Во рту еще оставался ее вкус, который хотелось сохранить подольше. Я закрыл глаза, наслаждаясь мгновениями.

– Ты спишь? – раздалось через минуту.

– Нет, – говорить не хотелось.

– А мне показалось... Ты ведь не любишь делать мне массаж?

– Почему же, просто массаж для меня работа, и я не могу относиться к нему по-другому, а так все замечательно.

– Только работа?

– Ну, с тобой, конечно, не совсем... И кроме того, он отнимает огромное количество энергии. Мои руки забирают

весь негатив и все плохое, что накопилось в тебе за день, а с этим надо как-то справляться. Пару минут – и все. Силы вернутся.

– Какие силы?

– Физические и моральные. Ты не забывай, я же работаю с детьми, а там напряжение совсем не то, что со взрослым человеком. Разные усилия – разная затрата сил. И вообще-то у меня был сегодня тяжелый день.

Последние слова вернули меня в реальность. Я сегодня убил человека. Что я должен чувствовать, что ощущать? Совесть молчала, как мне показалось; душевное равновесие осталось на прежнем уровне. Мне не было жалко этого человека. Там, на небесах, а может, под землей или еще где с ним разберутся по заслугам. Я, конечно, не верил в примитивный рай и ад – наверняка все намного сложнее и в то же время намного проще и понятней, просто нам это не дано знать. Мы живем, как дети, которым сказали: если ты это не сделаешь, то держись! Или: у тебя есть пять минут, чтобы доделать это, а иначе... А чего иначе? Может, иначе дадут конфету, а может и по башке. Никто не может знать точно. Страшна неизвестность, она-то и сдерживает большинство людей. Если бы все точно знали, что после смерти всё будет хорошо и замечательно, независимо от того, как ты прожил свою жизнь, то мир сильно бы изменился. Преступлений было бы море, и еще больше самоубийств. Наступил бы хаос. Человеческое общество держится только на страхе. Страх бывает разного

вида, но страх за себя – это самый страшный страх, который может существовать. Ведь даже мать, которая боится за своего ребенка, боится прежде всего за себя, ведь если с ее ребенком что-то случится, то переживать будет она, ей будет плохо, а не сыну или дочке. Ведь все верующие люди верят в то, что есть жизнь после смерти. Тогда почему они все плачут, когда умирает близкий человек? Они должны радоваться – человек наконец-то завершил свой жизненный путь и ушел к Богу. Но нет, люди переживают за себя: «Как мы теперь без тебя, любимый (или любимая), дорогой (или дорогая)». Им плевать, что вам там хорошо, им главное, что вы не с ними...

– Что с тобой?

– А что такое?

– Ты выглядишь как-то отрешенно. Ты со мной или нет?

– Я-я, натюрлих. Где же еще? Просто немного задумался.

– О судьбах вселенных? – с улыбкой спросила Настя.

– Ну, что-то в этом роде.

– А мне сейчас приснился ты.

– Наверное, опять в кошмаре?

– Почти. Ты брел в темноте, один. И никого и ничего вокруг. Ты один в целом мире. Я смотрю на тебя со стороны и не могу докричаться. Ты меня не слышишь, все идешь и идешь... Мне стало так грустно и одиноко, что я проснулась. Мне хотелось убедиться, что ты рядом, что все как всегда, и ничего не изменилось, – она положила голову мне на плечо.

– Интересный сон. Мне бы хотелось побывать в таком. Всегда хотелось узнать, что значит остаться одному во всей вселенной. Ненадолго, так, на чуть-чуть. Но это невозможно, ведь рядом всегда кто-то или что-то есть.

– Я тебя угнетаю? – Настя приподнялась и посмотрела мне в глаза.

– Нет, конечно. Из всех и всего, что могло бы быть со мной, ты самый лучший вариант!

Настя улыбнулась, и ее голова снова оказалась на моем плече.

Как странно – в мире люди умирают тысячами, а тут убил одного, и этот человек поселяется у тебя в голове навсегда. Живет где-то на задворках памяти и вылезает, намекая о себе. Так получается, что я дарю ему жизнь! Пока я живу, память о нем живет, а значит, живет и он сам. Вот так парадокс! Достаточно убить бомжа, о котором все забудут через неделю, а может и через день, и он поселится в твоей голове и будет жить там столько же, сколько и ты! Так хорошее дело я сделал или нет? На этот вопрос у меня ответа не было...

Утро, а точнее, уже день, застал нас в постели. Утреннее занятие любовью заменяет и чашечку чая, и завтрак, и все что угодно. Поэтому до обеденного стола мы добрались только к трем. Дождь на улице кончился уже давно, и в окно радостно заглядывало солнце. Вообще-то до стола добралась Настя, я же еще был в ванной, когда она меня позвала.

– Смотри – кажется, наш мост показывают!

Из телевизора доносился жизнерадостный голос журналиста, начало речи которого я, конечно же, пропустил, но все самое интересное успел услышать:

– ...моста. Вчера поздно вечером был зверски убит некто Колыванов Сергей Петрович. Он находился в состоянии сильного алкогольного опьянения. Убийца напал на жертву сзади и пытался перерезать ему горло ножом. Характер ранения свидетельствует о том, что работал непрофессионал. Убийца нанес несколько ножевых ранения в шею, смерть наступила очень быстро. У жертвы не было ни одного шанса на спасение. Труп был обнаружен только под утро, когда рассвело и прекратился дождь. На лежащего мужчину долго не обращали внимания, считая того просто пьяным. Трудно оценить, сколько человек успело побывать на этом месте, практически сводя к нулю поиск возможных улик. Мотивы преступления пока неясны. Милиция отказывается комментировать происшествие, идет работа по поиску убийцы. Если у кого-нибудь есть какая-то информация, просим сообщить ее по телефону, который вы видите на экране, или по номеру 02. С вами был ...»

Дальше было уже неинтересно, и я пошел почищать зубы.

– А ты не видел вчера этого человека? – спросила, заглядывая ко мне, Настя.

– Нет, я же шел другой дорогой, пришлось покупать программу на следующую неделю, так что мне вчера повезло.

– Да, а то на его месте мог оказаться ты.

– Это вряд ли. Я всегда на своем месте, а не на чьем-то другом.

Мысли опять вернулись ко вчерашнему вечеру. Мозг начал перебирать все, что помнилось и мнилось. Забыл я там что-нибудь, не потерял ли какую-нибудь улику, по которой меня можно будет вычислить? А вдруг следы не были смыты дождем до конца, и по ним меня скоро найдут? Теперь я понял, почему преступники возвращаются на место преступления: проверить, все ли было сделано правильно...

Меня самого удивляло, насколько легко я отнесся к смерти человека. Значит, я выбрал правильный путь. Теперь смысл жизни стал для меня понятен. Мир должен стать чище, спокойнее и добрее. Может ли родиться добро через зло? Пока на этот вопрос я не мог себе ответить.

– Ты какой-то задумчивый сегодня. Точно ничего не случилось?

– Да нет, все нормально.

– Нормально – это ничего не обозначающее слово.

– Но зато это правда. Дела всегда идут нормально.

– Даже если все вокруг плохо?

– Конечно, ведь всегда может быть хуже, и в то же время всегда может быть лучше.

– Все время ты со своими приколами.

– Это не прикол, это правда. Я всегда говорю только правду.

В голову из самых глубин подсознания ко мне забралась чертовски поганая мысль: «Меня видела вчера консьержка!» А ведь милиция может проверить все окрестные дома и все, что возможно, выпросить. Но сделанного не воротишь, так что, затолкав эту подленькую мысль обратно (ведь именно из-за самонакручивания многие преступники проваливают казалось бы, беспроегрывные преступления), я бросил себя мучить бесполезными мыслями.

– Ты не хочешь сходить за молочком? – нежно проворковала Настя.

– Ну, если, конечно, надо, то схожу, – стараясь подавить уныние в голосе, ответил я.

– А где молочко, там и заварное с кремом, – намекнула Настя.

– Вообще-то они в разных магазинах... Ну да ладно, может еще что нужно?

– Нужно-то много чего, но я сейчас не помню.

– Если что вспомнится, пиши на мобильный.

Я пошел по магазинам. Не люблю я их, они забирают слишком много энергии. Ага, уже вижу ваши скептические ухмылки. Да, я верю в энергию, потому что очень часто ощущаю ее воздействие. Любому скептику желательно заняться массажем, чтобы понять это. Почувствовать, как весь негатив, вся гадость переливается из тела массируемого человека в массажиста. Может и поэтому тоже я не люблю массировать взрослых.

Но на удивление, настроение у меня было вполне приличное, и я решил купить Насте чайную розочку. Почему-то захотелось сделать ей приятное. Наверное, такой уж я добрый человек (ухмыляться пришлось самому себе). Честно говоря, все мое существо не одобряет покупку срезанных цветов. Я всегда представляю, как они стоят в вазе и умирают. Женщина, в квартире которой во всех вазах стоят срезанные цветы, уподобляется хоспису. Цветы медленно увядают – умирая, возможно, они даже кричат или стонут, только мы этого не слышим, пока что не научились. Но Настя никак не хочет поддерживать мои взгляды. Поэтому вначале я дарил ей цветочки в горшочках, но их когда ставить стало уже некуда, пришлось перейти на умирающие растения. Мне их очень жаль, но все же будет намного лучше, если их куплю я, а не кто-то другой, я о них позабочусь. Некоторые, особенно розы, очень часто дают в вазах корни, и я потом не знаю, что с ними делать – бабушкина деревня скоро превратится в розовый сад.

И все-таки как же меня тянет посмотреть, что сейчас творится на месте убийства! Желание довольно сильное, но преодолимое.

Ладно, все фигня, пора домой! Молоко куплено, заварное тоже, цветы мерно покачиваются в такт шагам.

Я звоню в дверь. Хотя странная фраза – скорее, звоню в звонок и жду, когда мне откроют. А если быть объективным, то звонит звонок, а я лишь на него жму. Ключи от Настиной

квартиры я не беру принципиально – зачем? Сама захочет – даст, но она пока не спешит. Может, не доверяет – кто его знает? Женщины всегда загадочны, даже если там отгадывать нечего.

Сзади раздались шаркающие шаги. Бомжовская морда перемещалась с верхнего этажа вниз – небось, отоспалась и снова на промысел отправилась. Рука инстинктивно потянулась к ножу, но его не было. С этим ножом мы простились навсегда. Возможно, он еще долго пролежит на дне реки, переваливаясь с боку на бок, а может быть, его уже выловили хитроумные следователи и теперь тщательно изучают.

Мне нужно новое оружие.

Дверь распахнулась.

– Ты так быстро!

– Конечно, я ведь уже соскучился, – сказал я и достал спрятанные за спиной розы.

– Ой, это мне? – честно говоря, меня всегда поражают бессмысленные вопросы.

– Ну раз дверь открыла ты, значит тебе.

– А если бы дверь открыла очаровательная блондинка? Ты подарил бы их ей?

– Вполне вероятно, но тогда я бы сильно удивился и подумал, что ошибся квартирой, – ответил я.

Поцеловав меня, Настя отправилась искать свободную вазу, а я, ничего не подозревая о начавших бродить в моей голове мыслях, лег на диван. Спокойствие продлилось недол-

го – его прервал гогот, влетевший в окно и заметавшийся по комнате. Потом последовала нецензурная брань и радостные крики, которые почти тут же опять переросли в гогот.

Облюбовав старое бревно, под окнами расположилась великолепная четверка. Три «особо одаренных» субъекта, считающих, что самым полезным занятием достойного человека является распитие спиртных напитков, матерные вопли и дикий смех, сидели под нашими окнами на поваленных недавней бурей стволах деревьев. По доносившимся звукам можно было понять, что кому-то очень весело. Жаль, но остальные жилыцы нашего дома не разделяли этого хорошего чувства.

Винтовка с оптическим прицелом оказалась в моих руках мгновенно. Передернув затвор и убедившись, что патроны на месте, я прицелился в голову одного из гоготоделов. Мягкий спуск – и один из «друзей» завалился носом вперед. Глушитель сработал безупречно. Трое оставшихся недоумевающие посмотрели на своего товарища и снова засмеялись, слышались крики типа: «Вот нажрался!», «Этому больше не наливать!» Всю нецензурную лексику я вычеркиваю, мне не хотелось бы поганить бумагу сквернословием.

Когда они склонились над ним, мой указательный палец снова нажал на курок. Второму я вклепил пулю в грудь. Беднягу отбросило назад, и он, зацепившись за бревно, завалился на спину. Тупые улыбки стали сползать с пьяных лиц.

Один крикнул что-то нечленораздельное и попытался победать, но пуля, пробива ему правое бедро. Он упал на траву, непонимающим взглядом окинул ногу и скорчился от боли.

Оставшийся «неповрежденный» экземпляр поднял голову и посмотрел прямо мне в глаза. И как только он сумел так точно вычислить точку моего расположения? Видимо, звериное чувство у таких людей развито превосходно. Но большего я не мог ему позволить – не прошло и секунды, как его правый глаз превратился в месиво, а затылок разлетелся на мелкие кусочки.

Всхлипывая, последний из четверки попытался отползти в кусты, но выстрел в сердце положил конец его страданиям.

Картина выглядела неприглядной – крови много, а убирать-то кому?

– Эй, ты где там?

Вопрос ворвался в мое сознание, разгоняя морок ужасной картинки. Я встряхнул головой.

– Вроде да, – ответил я невпопад. С улицы опять донеслось радостное ржание. Я выглянул в окно. Четверо подростков что-то весело обсуждали практически на всю улицу и, прихлебывая пиво из бутылок, разбрасывали по всей округе какие-то чипсы и сухарики.

Отстрел – это была всего лишь фантазия, а ведь все выглядело как наяву!

Щелчок пальцами над ухом опять прервал мои мысли.

– Посмотрите-ка на меня, – Настя щелкнула пальцами сначала слева, а потом справа. – Вроде вы еще здесь, но что-то как-то частично.

– Здесь, здесь. Просто привиделось что-то противно-веселое.

– Интересно, ты уже видишь сны наяву?

– Что-то вроде, но это не для слабонервных.

– Все так страшно?

– Даже еще хуже, – меня немного передернуло от всплывшей картинки кровавого месива, учиненного в моем собственном сознании.

– Может, расскажешь? Я стойкая, вот смотри – она вытянула руки вперед. – Видишь, пальцы не трясутся, так что я не нервная, и мне можно рассказать.

– Нет, лучше не стоит, а то вдруг у тебя отношение ко мне поменяется, мало ли что.

– Ну как знаешь. Пойдем перекусим. Но если увидишь новых призраков, то познакомь меня с ними – это должно быть так интересно!

Я так и не понял, пошутила она или нет.

Обед был превосходным. Не могу сказать точно, что я ел, но это было приятное месиво (чаще обзываемое словом «рагу»), и, если бы не всплывающая картинка бойни, есть было бы еще приятнее...

Другое оружие

Домой я вернулся только в понедельник. Хорошо проведенные выходные теперь останутся всего лишь достоянием моей памяти. Как жаль, что они бывают так редко – как говорят дети, лучше было бы пять выходных и два рабочих дня. Я их понимаю, но не мы придумываем правила, мы лишь по ним играем.

Вечером позвонила мама и сказала, что бабушке уже лучше, но было бы неплохо, если бы я смог приехать и наколоть дров. Те, которые лежат в доме, уже «потихоньку кончались».

Все эти дни про убийство я практически не вспоминал, да и зачем? Сделанного не воротишь, да и не хотелось возвращать. Я считал, что поступил правильно, но обзавестись новым ножом не торопился. Что-то удерживало меня, какое-то внутреннее чувство. А так как я особо никуда не опаздывал, то и незачем было напрягаться.

Отпроситься с работы удалось лишь в конце недели, но это, может, и к лучшему – четыре выходных дня могут оказаться весьма кстати. Хотя рубка дров не самое приятное времяпрепровождение.

Машина работала как часы, практически без перебоев (от чего я уже начал отвыкать), так что добрался я до бабушки довольно быстро.

Радостное короткое приветствие, бабушкины объятья и все. Вот я уже с топором, а передо мной огромное количество деревянных чурбаков. Веселое дело! Эх, размахнись рука!

Первый пять чурок прошли просто на ура, но дальше что-то не заладилось. Топор начал застревать, сучки яростно сопротивлялись, раздражая и сбивая с выбранного ритма работы. Две-три минуты битвы с очередным сучком заметно пошатнули мое душевное равновесие. Меня начала захлестывать злорадия и ярость.

– Я не проиграю, жалкий сучок! Победа будет за мной!

Так я повторял, нанося удары один за другим. Неожиданно на очередном замахе я почувствовал, что рука летит очень легко, и тут же ударил пустым топором по сучку. Обернувшись, я увидел топор, который, видимо, вобрав в себя всю мою ярость, вонзился в яблоню, чуть не расколов ее.

– Ничего себе! – Впервые я посмотрел на топор не только как на рабочее оружие, но и как на боевое. Конечно, я много читал рыцарских и фэнтезийных романов – там были топоры, секиры, алебарды и тому подобные вещи – но впервые

я столкнулся с их мощью! Это было потрясающе! С таким оружием можно горы свернуть! Мысль жалким червячком заползла в мою голову и стала расти и раздуваться. Вскоре жалкий червяк превратился в огромную анаконду.

Вот что мне сейчас нужно! Нож – это хорошо, но топор намного лучше. Все было решено мгновенно. Пора приступить к тренировкам, благо, чурок еще осталось много. Чурка на чурку, чурка на чурку – вот тебе и человек. Без рук, но ничего, они мне (а точнее ему) и не нужны.

Собрав все силы, я нанес сильнейший удар по конструкции сбоку. Вся конструкция радостно разлетелась ко всем чертям, лишь «голова» объекта осталась на топоре. Отрывать ее от лезвия оказалось весьма утомительным занятием. Такой же результат был и у метания. Первый раз хоть повезло – топор воткнулся, но чурки опять разлетелись, а второй и третий оказались крайне неудачными. Обухом чурки сбивались намного эффективнее, только мне не этого надо было. Я не собирался выигрывать на аттракционах по сбиванию городков, мне нужно понять, как человека мгновенно отправить в мир иной с наименьшими затратами энергии и времени.

Так дело не пойдет. Нужны более удобные «тренажеры». Разобравшись еще с десятком чурбаков, я отпросился прогуляться в лес. Топор не отказался пройти со мной, что радовало безмерно. Как человек, одержимый новой бредовой идеей, я шел, окрыленный эйфорией. Мне казалось, что я

нашел идеальное оружие, относительно удобное, приятное, а главное – смертоносное.

* * *

Несмотря на то, что егеря в нашем лесу встретить очень сложно (если вообще возможно), буреломы попадались крайне редко, что давало простор для легких и необременительных пеших прогулок. Лес был забит грибами и ягодами, но вот диких лесных животных встретить было очень сложно. Лосиные следы с каждым годом попадались все реже и реже, а зайцы, которые еще года три назад так и выпрыгивали из-под ног, теперь были съедены или перебрались в более спокойные места. Люди уже и здесь оставили свой узнаваемый след.

Найти подходящее сухое дерево оказалось нетрудно, но на всякий случай я решил все же отойти подальше от деревни, мало ли кто заинтересуется подозрительными стуками в лесу.

Первым делом опробуем метание. Бах! Бац! Хрум! Хрясь! Семь бросков – и лишь один раз топор воткнулся. Ужасный показатель, и это еще не обращая внимания на точность! Похоже, метание – это не мое. Слишком ненадежно. Тем более у меня с собой еще и перчаток не было, а в них о точности бросков, скорее всего, можно просто забыть.

Что ж, перейдем к ближнему бою. Удары справа, слева,

сверху вниз, с разворота. Все это было очень весело, но руки быстро уставали. Передохнув, я продолжил тренировку. Трудно было подобрать наиболее удобный удар. Похоже, все зависело от ситуации, так что, если идти на дело с топором, придется импровизировать.

* * *

Несмотря на то, что мои посещения бабушкиной деревни были довольно частыми, а летом я обитал здесь целыми неделями, знакомыми я так и не обзавелся. Поэтому мой вечер состоял из спокойной отрешенности, в которой я пребывал, сидя на крыльце и смотря на заходящее солнце. Уже сотни раз многие писатели говорили, что «никогда не видели такого заката в городе, как в деревне». И ведь это чистая правда. Кроме чувства пространства и свободы здесь была тишина. Тишина дает мыслям течь спокойно и неторопливо, именно в тишине можно постигнуть истину, получить знание. Мозг сам настраивается на нужную волну, и мысли текут и текут, как река, огромная, но спокойная. Иногда из этой реки выпрыгивает рыбка – новая, совершенно непохожая мыслишка, которая или тут же подхватывается сачком сознания, или же падает обратно в реку и растворяется в ней, возможно, покинув нас навсегда. Мыслишка, пойманная сачком, может быть бережно взята в руки и изучена, а потом отпущена, как ненужная или уже освоенная, а мож-

но схватить ее грубыми руками, разорвать на части, бросить на сковородку самомнения и получить что-то извращенное и противное. Наверное, именно тогда в голове может образоваться хаос, с которым не всякий человек может справиться.

Я пользуюсь понятием «хаос», но сам в него не верю. Хаоса не существует, существует лишь «непонятый порядок». Но хаос в голове человека, его непонимание причинности своих мыслей и поступков могут свести его с ума. Ум не выдерживает такого напряжения и сдается, замыкаясь в себе или заикливаясь на определенных мыслях и переживаниях. Не хотелось бы мне стать сумасшедшим. Я сам себя контролирую. Полное подчинение чувств, мыслей и поступков – вот что значит достичь идеала. Конечно, достичь идеала невозможно, но стремление к нему должно сохраняться всю жизнь. Я не буду мыслящей машиной, у меня будут чувства, но я сам буду выбирать, когда и какими чувствами пользоваться. Кажется, что это нереально, но в сознании все возможно, а если возможно в сознании, то возможно и наяву. Сила воли – вот что самое главное. Измени себя, и мир изменится для тебя, точнее, не мир изменится – изменится твое восприятие мира. Возможно, тогда и придет понимание. Понимание всего: вселенских законов, устройства мира, смысла жизни. Я старался изменить себя, но мир от этого не сильно менялся. Мне надо помочь ему – мир должен вздохнуть свободно от смрада, грязи и ничтожеств, захлавивших его уже по самую макушку. Я буду его помощником, его освобо-

дителем, я буду его инквизитором. ИНКВИЗИТОР! Вот кем я буду – изгоняющим ересь и порок. Тишина и спокойствие, остановившие на какие-то мгновения сознание, обычно пребывающее в бурной деятельности, наконец-то помогли получить мне ответ на вопрос: кто я и что мне предстоит делать. Я родился заново – теперь я инквизитор; чувства в сторону, только работа! Пока я жив, пока бьется мое сердце, я буду с тобой, мой любимый МИР, моя любимая ВСЕЛЕННАЯ. Вместе мы справимся, дай мне спокойствие, дай мне веру, и дай мне силы нести свое предназначение до конца!

Я открыл глаза. Впервые погружение в медитацию прошло так неожиданно и самостоятельно. Никакого предварительного самонастроя, никакой подготовки – переход состоялся так плавно и естественно, что я уже не мог отделить свои мысли от мыслей, дарованных мне вселенной. Но источник не так важен – главное, что теперь я получил ответ, ответ от самой судьбы. Что ж, я буду стараться, а там будь что будет...

Еще один день в деревне

Утром все вечерние мысли казались сном. Мне было лень вставать, и я лежал, перемалывая языком новое слово «инквизитор». Конечно, я знал, кто такие инквизиторы и чем они занимались, но применить это слово к себе – это совсем другое. «Ин-кви-зи-тор». Звучит очень даже неплохо. Я не хотел давать названия своей идее, но теперь она получила словесную форму «Я инквизитор. Моя задача бороться с ересью. Сам Бог подскажет, что есть ересь, а что нет». Чуть не добавил дальше: «Да пребудет со мной сила». Киношные штампы очень часто забивают голову и всплывают в самый подходящий или неподходящий момент. Может, это и неплохо, но иногда начинает нервировать. Позднее, полазив по словарям, я получил об инквизиции и инквизиторах более полные данные. Обобщая полученную информацию, можно сказать следующее: «Инквизиция – это латинское слово, которое обозначает всего лишь уголовный суд, некогда установленный папами для розыска и кары еретиков и преступлений против веры. А инквизитор – это обычная служебная единица, или один из судей инквизиции». В литературе последнее время часто упоминалось это слово, что не могло не покоробить, но слово слишком хорошо ко мне подходило. Я буду судьей, а судить буду тех, кого посчитаю еретиками, тех, кто совершит преступление против моей веры.

Так что инквизитор – это та должность, которую я возлагаю на себя добровольно, и только смерть может ее с меня снять.

Я попытался встать с кровати и тут же рухнул обратно. Руки болели очень даже прилично, целый день рубки не пропал даром. Постанывая и кряхтя, включив волевые ресурсы, я сполз с кровати. Потряхивание расслабленными руками, небольшая зарядка – и я почти восстановился, не даром все же в детстве спортом занимался. Но пора переходить к более серьезным тренировкам. Не дело, когда мышцы начинают болеть после нагрузки.

Завтрак прошел весьма оживленно. Бабушка рассказывала обо всем, что произошло в деревне. Кто уезжал, кто приезжал, кто где пьяным повалялся. В общем, рутина, но так, как это рассказывала бабушка – это было что-то! Заряд бодрости на весь день был обеспечен.

Работать с утра явно не хотелось. Если уж говорить про мышцы, то они были категорически против. Я всегда гордился своей силой воли, и, похоже, пришло время ее проявить по-настоящему. С одной стороны, топор так и просился в руки, но, с другой, небольшие мозоли и боль не давали собраться. Я вспомнил слова Дона Хуана: «Дух воина не приспособлен ни к потаканию себе и жалобам, ни к победам или поражениям. Дух воина приспособлен только к борьбе, и каждое усилие – это последняя битва воина на земле. Поэтому результат значит для него очень мало. В своей послед-

ней битве на земле воин позволяет своему духу лететь свободным и чистым. И пока он ведет свою битву, зная, что его воля безупречна, воин смеется и смеется». Эти слова имеют колоссальное воздействие, это то, к чему надо стремиться, и, произнеся их, я уже чувствовал себя обновленным. К черту жалость к себе, к черту мозоли и боль! Я инквизитор, я воин! Возможно, это мое последнее усилие на земле, поэтому я должен все сделать безупречно!

Работа пошла. Щепки летели во все стороны, стук топора не прекращался ни на минуту. Я воспринимал себя как бы глядя со стороны. Ставь – руби – подними – поставь – руби. И так до бесконечности. После двух часов бешеной работы меня остановила мама.

– Что-то ты сегодня заработался. А как же руки?

Я посмотрел на свои руки. «Вот блин! – только и смог я подумать. – Как теперь делать массаж с такими руками?»

В запасе было еще пару дней, так что придется быть поаккуратнее. Немного перекусив свежим молоком и белым хлебом, я все же решил не пропускать ударную разминку в лесу – дома с топором не потренируешься.

Хорошо, что привычка бродить по лесу у меня была еще с детства, поэтому мои ежедневные уходы не удивили ни маму, ни бабушку. А то, что я гулял с топором – об этом можно никого не уведомлять.

Знакомые сильно побитые остатки дерева встретили меня

не очень радостно. Смешно так говорить, но ощущение было стойким.

– Ты уж прости, но мне нужно тренироваться, – эта фраза вряд ли улучшила настроение останков, но на большее я был неспособен.

Удар, еще удар. С разбега, с прыжка. С прыжка получалось очень эффектно, но у меня были серьезные опасения по поводу эффективности этого приема. Достаточно объекту сделать шаг в сторону, и промах может оказаться фатальным, причем уже для меня. Удар снизу был явно бесполезен (во всяком случае, в моем исполнении), зато удар справа и наотмашь были просто великолепны. Я уже видел их своими основными приемами для будущей работы.

Странно, я уже стал думать, как убийца. Люди для меня объекты, а убийство – работа. Честно говоря, такое отношение – не очень хороший знак. Надо поработать над собой. Я должен выполнять волю свыше, поэтому у меня не должно быть чувств к провинившемуся человеку. Человек, может, и не виноват вовсе – виновато воспитание, родители и компания, в которую он попал. Но в то же время он сам теперь такой же родитель, сам представитель этой компании. Когда-нибудь этому должен прийти конец. Иногда это буду я, а иногда кто-нибудь другой...

Домой я вернулся довольно поздно. Солнце уже прибли-

жалось к горизонту, а последние лучи заставляли объекты отбрасывать длинные тени.

– Что-то ты припозднился сегодня, грибов не собирал? – я ожидал такого вопроса от мамы, поэтому небольшой мешочек с подосиновиками и подберезовиками оказался весьма кстати.

– Грибы, похоже, уже кончаются, еще пару недель – и все, – попытался я отговориться.

– Странно, а я думала еще месяцок пособирать. Ну ладно, может, дождики пройдут, грибов-то и прибавится.

– Вполне возможно, – согласился я.

Получилось, что обед я пропустил, поэтому пришлось на-верстывать упущенное ужином.

Наевшись, как пиявка, я отвалился от стола и выполз из дома. Было темно, на безоблачном небе уже были разбросаны звезды, а лунная дорожка освещала небо своим волшебным светом. Я называю его волшебным, потому что этот свет не скрывает звезды.

В воздухе промелькнула искорка и погасла. Падающая звезда. Обычно они толпами падают в августе, а сейчас октябрь – повезло, наверное, но желание загадать я, конечно же, не успел. Честно говоря, трудно себе представить человека, который сумеет загадать свое самое сокровенное желание за время падения метеорита. Наверное, поэтому и говорится, что, если успеешь загадать желание, пока падает звезда, оно обязательно сбудется. Только никто, видимо, не успевал

этого сделать. Разве что те люди, которые смотрели на Тунгусский метеорит, но от них мы этого уже не узнаем.

Я плохо разбирался в созвездиях и в самих звездах, но смотреть на них и размышлять было очень приятным занятием. К сожалению, постепенно стало холодать, так что пришлось ползти домой, где ждала интересная книга и мягкая кровать. Что ж, день прошел неплохо, а что будет завтра – то будет уже завтра. Хорошо, что еще не кончилось сегодня...

Пора домой

Выходные пролетели незаметно. В смысле, незаметно по времени, но заметно для мышц. До конца руки я все же не стер, в чем серьезную помощь оказали белые пупырчатые перчатки, так что в понедельник нужно было идти на работу (больничный мне никто бы и не выписал).

Мама осталась с бабушкой. Пенсия ее вполне устраивала, поэтому выходить на работу ей не было никакого резона. Итак, я в одиночестве покати́л домой, распевая любимые песни, чтобы не уснуть. Мой организм почему-то всегда старается уснуть в дороге – наверное, такая у него защитная реакция. Но так как я был за рулем, то лучше было этого не делать, поэтому песни стали единственным спасением. Не болтать же всю дорогу по телефону.

Но, что интересно, на этот раз песни почти не пригодились. В голове бродили всякие «топорные» мысли, так что сон даже боялся ко мне подойти. Недолго думая, я заскочил на один из строительных рынков, что попался по дороге, и приобрел там небольшой, но широкий черный топор с деревянной ручкой. Обсмотрев его со всех сторон и не обнаружив каких-либо идентификационных знаков, я подумал, что это то, что нужно. Такой топор спокойно влезет в мою сумку, а уж толку от него будет побольше, чем от ножа. Так я размышлял, мысленно применяя топор в различных ситуациях.

То я раскрошил пьяного бомжа, от которого на земле уже не было никакого проку, то в крупной потасовке мне удавалось отбиться с помощью топора от превосходящего числа противников, а то я просто отрубал голову матерящемуся детине (что вызывало у меня некоторые сомнения: мне сильно не верилось в то, что голову человека отрубить так уж легко).

По дороге встретила одна крупная авария: лежало несколько тел, два из которых уже были накрыты простынями, а одно нет. Самое удивительное, что это не произвело на меня никакого впечатления. Я уже не воспринимал мертвые тела как что-то из ряда вон выходящее, что на самом деле должно было меня насторожить, но не насторожило. Я же сам убил человека – теперь я выше всех этих мелочей, таких, как мертвые тела и закон! Я выше всех!

Тут же пришлось себя обрывать: «Да кого ты выше? Тысячи людей убивают, даже сейчас, каждую секунду – где-нибудь кто-нибудь кого-нибудь убивает». Несмотря на относительную значимость этого предложения, я не мог не задуматься над тем, что в нем слишком много «нибудь». «Звучит как-то подозрительно», – безотчетно пронеслось в голове, а главная мысль пошла дальше. «Ты убил одного, а многие убивали десятками». «Но я убил за правое дело!» – возразил я сам себе. «Да уже миллионы убивали за правое дело, и что из этого? Ты должен нести свой крест не ради самовосхваления, а ради улучшения человечества. Ты – это естественный отбор, который помогает природе понять, кто ей

нужен, а кто нет. Хотя странно, что ты считаешь себя лучше самой природы. Природа уже миллионы лет все рассчитывает и воспроизводит, а ты подумал несколько часов и решил, что ты просветленный». Разве природа не может ошибаться? «Бог во всем, и Бог в природе, это его детище, вряд ли Он ошибается». Но человек – тоже его детище, а раз Бог во всем, то Он и в человеке тоже. А человек ошибается, причем постоянно. «Ошибка природы – это вымирание вида. Ошибка одного конкретного человека – это жалкий плевок в колодец, из которого потом пить можно, но очень уж неприятно».

Немного подозрительно, что я разговариваю сам собой. Конечно, я всегда беседую с собой, но так, что всегда осознаю, что оба говорящих – это я. Сейчас же создавалось ощущение, что со мной говорит неизвестный Я. Тот Я, который мне незнаком, но которого я стараюсь понять. Непонятные крупницы сомнения попали мне в голову, но тут же потерялись в нагромождениях мысленного хлама. Возможно, они еще прорастут, кто знает...

Выезжая на очередной поворот, я заметил скрывающуюся черную кошку. Похоже, она только что перебежала дорогу. Я не суеверный, но кошки мне редко приносят удачу. Через сотню метров мне дорогу перебежала белка. «Что за ё-моё?» – только и смог я подумать. Навстречу выползал трактор. Немного засмотревшись, я только в последний момент заметил черную точку, передвигающуюся по дороге – это оказалась жаба. Я резко вывернул руль.

В первое мгновение мне показалось, что это конец, но, скользнув по обочине, стуча мелким гравием по днищу машины, я сумел вырулить обратно на дорогу. Тракторист наверняка подумал обо мне что-то плохое. Хотя, возможно, он и догадается, из-за чего весь сыр-бор, когда увидит переползающую жабу. Надеюсь, она сумеет достигнуть безопасной зоны. Здесь я согласен с Доном Хуаном: все существа должны сами преодолевать свой путь, помощь делает их слабее или вообще отбрасывает назад.

Я всегда был склонен считать, что все в нашей жизни неслучайно, жизнь постоянно дает нам намеки, показывает правильный путь. Жаль, но не каждый может следовать знакам, и я в том числе. Уже много раз я убеждался, что знаки были правы, а я их не послушался. Что же это были за знаки? Сначала черная кошка, потом белка и жаба? Сейчас я не мог на это ответить.

* * *

Дома было все по-прежнему, хотя что могло измениться, если дома никого не было? Передохнув и хорошенько помывшись, я пошел прогуляться в Кусковский парк. Несмотря на октябрь, листья только начали менять свой цвет, а падать с деревьев еще явно никто не собирался. Побродив немного по дорожкам, я решил поискать какое-нибудь укромное местечко, чтобы иногда можно было прийти туда и

поразматься с топором. Однако за парком смотрели неплохо, поэтому такое местечко отыскать было довольно сложно. Но кто ищет, тот найдет. Девиз не утратил свое значение, а по сбываемости он наверняка стоит на первом месте. В парке постоянно гуляют с детьми, шастают всякие компании, а теннисные столы и футбольная площадка вообще почти всегда были кем-то заняты – создавалось ощущение, что там играют даже ночью.

Сегодня я был без топора, поэтому, присмотрев себе местечко, пошел просто прогуляться, посмотреть на пруд, оценить обстановку. Недалеко от пруда стояла скамейка. На удивление, она даже была свободна, чем я тут же и воспользовался.

В мыслях возникла огромная боевая секира, которой я размахиваю на поле боя, кроша врагов направо и налево. Цвет секиры уже превратился в красный, а мои ноги скользили по лужам крови, когда женский крик вывел меня из просмотра мыслефильма.

– Куда ты полез, сиди спокойно и играй! – слова относились к малышу, который явно не был склонен к играм с песком, но которого мамаша постоянно сажала в песочницу и пихала в его маленькие ручки лопатку и ведро.

– Вот, лепи куличики и копай! – Ребенок повиновался, вяло перекладывая сыпучую субстанцию с места на место. Но как только мамашка отвлеклась, он перелез через бордюрик и снова оказался на свободе. Перед ним был целый но-

вый мир – мир лестниц, горок и многих других приспособлений не всегда понятного происхождения. К сожалению, насладиться свободой у него не получилось, его опять схватили и посадили обратно.

– Ты так и будешь надо мной издеваться? Дома с тобой возись, здесь возись! На горку залезешь – точно себе шею свернешь, а на лестнице еще и руки переломашь! – Проведя воспитательную беседу, мамаша опять уткнулась в «интересный» любовный роман, уже не обращая никакого внимания ни на что вокруг. После двух попыток ребенок сдался. Похоже, он сломался и стал заниматься песком. Куличики его не привлекали, поэтому он просто разбрасывал песок, стараясь запульнуть его куда подальше. Вряд ли в его голове был определенный план (типа того, чтобы раскидать весь песок, а нет песка – нет и игры в песочнице). Когда очередная порция песка, взметнувшись к небу, приземлилась на чистенькие туфли мамашки, та уже не выдержала, схватила ребенка за руки и с криками и воплями потащила вон из парка.

Вот так воспитание! Сегодня мамашке лень оторвать свой центр тяжести от скамейки, чтобы нормально позаниматься с ребенком, а завтра уже ребенку будет лень оторвать свою пятую точку, чтобы помочь матери. И кто после этого «неблагодарная скотина»?

Такие мысли немного угнетали, поэтому желание смотреть на воду переросло в желание отправиться домой. Хотелось хорошенько выспаться перед работой...

Случайность или закономерность?

Дальнейшие дни пошли своим чередом: сначала работа, потом тренировка в парке и сон. И так день за днем. Конечно, я не хотел «светиться» в парке, поэтому приходилось «шифроваться», менять одежду, ходить к месту тренировок кругами. Если кто-то гулял поблизости, то тренировка переносилась на более позднее время, когда в округе становилось спокойно. Чтобы не примелькаться, я несколько раз отменял тренировки и ездил к Насте. Она уже стала попрекать меня тем, что я редко у нее бываю, но я успокаивал ее, постоянно повторяя, что сильно устаю на работе, и приехать к ней мне не хватает сил. Что было абсолютной правдой – тренировки с топором отнимали много сил. И, несмотря на то, что руки у меня и так были крепкие, теперь они становились просто каменными. Не стать бы Папаем Морячком – периодически думалось мне.

Топор в моих руках был уже как родной. Почти не глядя, я мог размахивать им по всей комнате, ничего не задевая. Перчатки не оказали какого-нибудь серьезного влияния на владение топором. Видимо, топор не такая ювелирная штука, как нож. Единственный недостаток был в том, что через некоторое время пришлось укреплять соединение топорика с самим топором, потому что они уже готовы были расстаться друг с другом. А этого, особенно в опасной ситуации,

нельзя было допустить.

Запасную одежду и рюкзак для нового дела я уже прикупил, поэтому, как только посчитаю себя готовым, можно будет приступать. На этот раз пришлось взять ботинки на два размера больше, которые к тому же были очень широкими, так что приходилось их сильно шнуровать, чтобы не потерять по дороге. Потерять такую улику слишком рискованно, но я же не доктор Ватсон.

Так прошло три недели. С четвертой я уже начал одеваться в «рабочий» костюм в надежде, что подвернется подходящий случай.

Скоро может выпасть снег, а это уже будет плохо: следы на снегу убрать будет практически невозможно. Во всяком случае, я не знал, как это сделать, а рисковать не хотелось. Поэтому я поставил себе условие: с выпадением снега дело замораживается.

Уже наступила середина ноября. Наверное, повезло, а может, вселенная решила мне помочь – но снег все не выпадал. Очередная тренировка оказалось довольно тяжелой. Дул сильный ветер, а по небу бежали темные тучи.

Уже потемнело, когда я, сильно уставший, направлялся к выходу из парка. Впереди замаячили три фигуры, которые, передвигаясь шеренгой, перекрывали всю дорогу. Шли они очень медленно, временами останавливаясь, что-то бурно обсуждая. Мне не хотелось ни с кем встречаться, поэтому я быстро нырнул в ближайшие кусты и притаился. Похоже,

они меня не заметили.

Когда компания приблизилась, сразу стали понятны все эти остановки. У каждого в руках было по бутылке пива, если я правильно разглядел. Судя по их поведению, выпивание дошло до своей середины, поэтому фраза «продолжение следует» подходила как нельзя кстати. Трогать их я не собирался. Конечно, я не любитель пьяниц, но это был не повод для убийства. Пропустив их мимо, я уже собирался идти дальше, когда услышал женский крик. Стараясь держаться в тени, я направился в сторону крика. Картина, представшая моему взору, была отвратительна. Куртка, вероятно, принадлежавшая девушке, лежала на земле. Двое улыбающихся парней держали девушку за руки, а третий пытался разорвать ей платье. Девушка вскрикнула еще раз, но ей тут же закрыли рот ладонью, и дальше борьба продолжалась в тишине. Понимался треск, и из разорванного платья показался белый лифчик. Еще немного, и будет поздно.

Я медленно-медленно стал расстегивать сумку. Скрип молнии казался мне ужасающе громким, но молодчики были слишком заняты, чтобы слышать посторонние звуки. Они были заняты своим делом, которое явно переплеталось с моим. Я поблагодарил судьбу за предоставленный шанс, но и лезть в драку очертя голову не хотелось. Во-первых, противников было трое, во-вторых – была девушка. Я не хотел, чтобы меня видели, а уж тем более те, кого я не собирался убивать.

Пока я раздумывал, красное платье уже лежало рядом с девушкой, напоминая лужу крови. «Что ж, видимо, ждать больше нельзя».

Я зашел за кустарник вдоль дороги и стал приближаться к «любителям приключений».

До нападавших оставалось еще метров семь-восемь, когда насильники, видимо, немного расслабились. Девушка воспользовалась моментом и выдернула правую руку, которой тут же оттолкнула раздевавшего ее парня. Тот от неожиданности повалился на землю, срывая с нее лифчик, за который он, похоже, пытался удержаться. Парень, державший левую руку, оторопел от произошедшего, чтобы оказать серьезное сопротивление, и девушке удалось освободиться. Ее явно охватила паника, а панически настроенные люди способны утраивать свои силы. Подхватив свое платье, девушка бросилась бежать.

– Держи ее, – прохрипел парень с земли. Команды и не требовалось – двое парней уже бросились в погоню.

Теперь мне нельзя было их упустить. Атака получилась неподготовленной, но злоба и ненависть мобилизовали меня.

Первой целью был выбран парень, бежавший близко к моим кустам. Бешеный взмах топора – и на ничего не ожидавшего насильника сбоку вылетела железная смерть. Я сам не ожидал, что сила удара окажется столь ужасной. Топор вошел парню в голову, разрубив нос пополам и утонув в недрах

черепа. Ударить оказалось легче, чем вытащить топор. Второй, который бежал чуть позади, заметил что-то неладное, но не сразу понял, что именно. И лишь когда я стал выдергивать топор, он бросился на меня. Надо отдать ему должное, он не испугался. Возможно, был слишком в себе уверен, громила был тот еще.

Наконец выдернув топор, я стал разворачиваться к нападавшему, описывая топором полукруг и надеясь использовать эффект неожиданности – поэтому и бил с разворота. Только что выдернутый топор летел обухом точно парню в голову, но тот предугадал мой удар и выставил левую руку, защищая лицо. Он все сделал правильно, но он не знал, что я слишком долго и упорно тренировался, поэтому развернуть топор острием вперед, завершая дугу, для меня было плевое дело.

Рассеченная рука насильника была отброшена, он взвыл и попытался достать меня правой рукой, но дальше все было делом техники. Завершенная дуга, небольшой присед и возвращение топора с ускорением обратно, но уже по правой ноге противника. Послышался громкий хруст, и с диким воплем парень повалился на землю. От боли он закрыл глаза и схватился за ногу. Это было серьезной ошибкой. Его череп не развалился пополам, как обычно пишут в книгах, но топор с громким чавканьем вошел в него почти полностью.

Я обернулся к третьему. Тот, хныкая, пытался отползти от меня подальше на четвереньках, постоянно следя за мной

глазами.

– Не надо, не надо, не надо... – только и повторял он.

Я ничего не говорил. У меня нет для таких гадов эмоций. Это вши, блохи, которых надо раздавить, потом помыть руки и забыть. Резко выдернув топор из второго насильника, я направился к последнему – видимо, предводителю компании.

Тот даже не сумел умереть как мужчина. Резво вскочив на ноги, он бросился бежать. Но страх сковывал его движения, поэтому он не сумел пробежать и пяти шагов, когда топор обрушился на его шею. Удар получился несильный, ведь цель удалялась, но егохватило, чтобы парень повалился на землю. Его последние жалкие попытки закрыть голову руками привели лишь к тому, что, прежде чем пробить голову, топор перерубил несколько пальцев. Контрольный удар в голову, и все – битва, точнее сказать, бойня закончилась.

Солнце уже практически зашло, что было мне весьма на руку. К сожалению, дождь так и не пошел. Это был серьезный минус, но в парке есть озера и всякие ручейки, выпадающие в них, так что выход был только один. На убитых еретиков, как я их окрестил, я уже не смотрел. Они превратились в выполненную работу, причем выполненную довольно хорошо. Я стал прокручивать в голове весь бой, стараясь вспомнить, где могли остаться следы. Похоже, следы могли оставить только мои кроссовки, но это не страшно, в сумке были запасные. Остается еще запах, но с этим я ничего не мог поделать. Озаботиться какой-нибудь аэрозольной жид-

костью я и не подумал, хотя вряд ли бы она мне помогла. Так что со стороны все выглядело очень даже неплохо.

Топор меня не подвел, но крови было много, даже очень много. Моя одежда была явно забрызгана во многих местах, но трогать кровь пальцем и проверять «на зуб», несмотря на огромное количество просмотренных кинофильмов, я не стал. Все равно придется ее менять.

Я опять отошел в кусты и пошел вдоль дороги, стараясь не попадать на светлые пятна фонарей. К сожалению, как я понимал, времени у меня немного. Трупы лежат прямо на дороге, поэтому стоило поспешить. Остановившись в укромном уголке, я переоделся. В последний момент в голову пришла мысль, что если я сейчас поменяю кроссовки, то этим только выдам себя. Милиция наверняка пройдет по моим следам и здесь, в этом самом месте, обнаружит, что я поменял кроссовки, причем на меньший размер. Такого нельзя было допустить, поэтому кроссовки я не менял.

Сложив всю одежду и рюкзак в большой рванный пакет, я с глубоким сожалением положил туда же и топор. Расставаться с ним было безумно жалко, но оставлять оружие убийства у себя очень не хотелось. У меня осталось только несколько запасных пакетов, перчатки (которые в деле практически не участвовали) и запасные кроссовки.

Добравшись до небольшой речки (к сожалению, большой здесь и не найти, а выходить к озеру я побоялся – там все-

гда слишком много любопытных глаз), я бросил мешок в воду и длинной сучковатой палкой прижал его ко дну. На первый взгляд, топор хорошо удерживал мешок на дне, но я не льстил себя надеждой – единственное мое желание было в том, чтобы река стерла все отпечатки, и это главное. На всякий случай я, не снимая кроссовок, поболтал ногами в воде, надеясь, что на них не останется капель крови.

Вроде бы все, ничего не забыл. Пора убираться отсюда.

Направляться домой было опасно, поэтому путь мой лежал прямо к метро. Там среди огромного количества народа всегда можно затеряться, вряд ли собака сумеет найти меня в этом месте. На свету я заметил, что небольшие размазанные пятна крови на кроссовках все же присутствуют, но, растерев на них грязь, я окончательно успокоился. На всякий случай салфеткой я протер себе лицо – мало ли, вдруг и на лицо что-то попало. Если и попало, то салфетка этого не отразила.

К метро я решил идти кружным путем – во-первых, запутывая следы, во вторых, давая шанс кроссовкам просохнуть.

Расчет оправдался: кроссовки практически высохли, следов не оставляли, и я не сильно выделялся на фоне толпы.

Все же подозрительность, не дававшая мне покоя, заставила выйти меня на кольцевой и проехать еще много остановок, прежде чем я решился направиться к Насте. Как мне казалось, дома в ближайшее время лучше было не появляться. Так, на всякий случай.

Осталось решить небольшую проблему: избавиться от кроссовок. Как это сделать, я представлял смутно. Ни у ВД-НХ, ни у Ботанического сада я не помнил хороших мест для переодевания. Поэтому решил поискать хорошее место на других, малознакомых станциях.

Сначала я вышел на Курской, надеясь, что здесь будет хорошее место, но явно ошибся: народу много, затеряться легко, а вот сесть и спокойно переодеть кроссовки места не было. Видимо, лучше найти немногочудный сквер со скамеечками. Такой сквер отыскался недалеко от Проспекта Мира, но блуждать пришлось довольно долго. Переодев кроссовки и бросив одну из них в бункер (все это я проделал в перчатках), вторую я завернул в маленький пакетик и пошел дальше, в надежде, что мне попадетсч еще один бункер. Я уже почти дошел до Алексеевской, когда наконец сумел избавиться от последней улики. Все, больше ничего не связывает меня с этой расправой, кроме мыслей. Мыслей, которые пока что были где-то далеко, только намечая свое присутствие, но приближались к моему сознанию с неотвратимостью самой судьбы...

Время бездействия

До Насти я добрался поздно, но она радостно приветствовала меня, повиснув на шее.

– Я уже думала, что ты опять не придешь, – было первое, что она сказала.

– Не угадала, – ответил я.

Долгий поцелуй на некоторое время отключил все мыслительные процессы в моей голове. Из прихожей, по дороге сбрасывая на ходу обувь, я отнес Настю на кровать. Там я все же сумел от нее оторваться, чтобы хорошенько помыть руки и лицо. Зеркало рассеяло мои последние подозрения в том, что на лице могли остаться капли крови. Неприятное ощущение появлялось в метро: создавалось впечатление, что попутчики уличающе смотрят на меня. Мне все время казалось – то ли с лицом что-то не так, то ли с одеждой. Но теперь, когда отражение в зеркале оказалось привычным, без подозрительных пятен и кровоподтеков, все опять стало видиться в розовом (тьфу ты, не люблю это слово), скажем – в черно-розовом свете.

В зеркале я заметил, как Настя подошла ко мне сзади. Она была единственным человеком, чье приближение со спины я мог выдержать, все остальные вызвали довольно резкую реакцию. Тут же я почувствовал ее пальцы на своей шее. Они сначала нежно, а потом все сильнее и сильнее стали сдавли-

вать горло.

– Может быть, пора тебя задушить? – нежно проворковала Настя, – Тогда тебе уже не придется ходить на работу и по другим делам.

– Это точно, но тогда я буду немного прохладный, – подыграл я ей.

– Прохладный лучше, чем никакой, – пальцы разжались, Настя обняла меня и прижалась всем телом. – Я скучала.

– Да я, в принципе, тоже, – ответ прозвучал как-то неестественно.

– В принципе?

– Конечно, скучал, но зато теперь я разделался со всеми делами и смогу бывать у тебя намного чаще, – это предложение прозвучало намного увереннее.

– Хорошо бы, а то все институт да институт... Кстати, меня уже пару раз ребята приглашали сходить куда-нибудь, но я все отказывалась, – ее отражение в зеркале лукаво улыбнулось мне.

– Думаешь, надо тебя куда-нибудь пригласить?

– Было бы неплохо...

– Я подумаю над этим, – я повернулся к ней. Она была одета в домашнее платье, которое очень легко соскальзывало на пол, стоило только немного подвинуть лямки на плечах, что я с радостью и проделал. Она осталась в белых полупрозрачных трусиках, которые я решил пока не трогать, сосредоточив все свое внимание на груди.

Настя закрыла глаза. Немного массажных приемов, мягкие поглаживания... В это же время ее руки ласкали мои волосы, взъерошивали их, пропуская между пальцев, выполняя роль расчески. Волосам это было очень даже приятно. Мне так же хотелось закрыть глаза, чтобы насладиться ее прикосновениями в полной мере, но в тоже время, я никак не мог оторвать взгляд от ее идеального тела.

Вскоре мы стали одним целым. Безграничная любовь, отбросившая все неприятности, невзгоды и глупые мысли, поглотила нас.

* * *

– Жаль, но, как обычно, уже скоро вставать, – еле слышно сказал я, когда мы уже лежали в теплой неге мягкой постели. Ее голова лежала на моем плече, а левая рука удобно расположилась на груди.

– Ты что-то сказал? – сонно пробормотал она.

– Нет, это так, мысли вслух, спи, – мне не хотелось ее будить.

Я так люблю смотреть на ее лицо, когда она спит. На нем отражаются все сны, которые она видит. Конечно, это можно увидеть только когда на улице светает, а сейчас была глубокая ночь, но я все равно видел ее, видел в своей памяти.

Многие книги говорят о том, что сон проходит очень быстро, и лишь когда мы спим, нам кажется, что проходят

минуты и часы. Но однажды я наблюдал за спящей Настей в течение десяти минут, и все это время у нее что-то происходило. То она хмурилась, то подергивалась, временами корча смешные гримаски. Это было очень мило, и я никак не думал, что сон можно смотреть так долго. Возможно, она бы смотрела его и дольше, но прозвенел будильник, который и положил конец моим наблюдениям.

Как это было ни неприятно, но будильник сегодня тоже прозвенел. С годами я выработал в себе привычку просыпаться чуть раньше утреннего трезвона, но все равно будильник был для меня как молот для наковальни. Ждешь его, ждешь, а потом резкий неприятный звук бьет в ночной тишине по барабанным перепонкам.

– Ты уверен, что хочешь идти? – не просыпаясь, пробормотала Настя и схватила меня за руку. – Рано еще вставать.

– К сожалению, пора. – Я медленно и несильно пожал ее руку, поцеловал и выполз из постели.

Наступило самое нелюбимое мною время. Первые пятьдесят минут после подъема. Это просто невыносимо – вставать в такую рань, когда все еще спят, бродить по кухне, умываться и бриться. Полный кошмар. Наверное, так и мучают в аду. Постоянно будят и заставляют рано вставать. Вероятно, для меня это было бы самое страшное наказание.

Приближалась зима. В конце ноября временами выпадал снег, так что думать о новом деле не стоило. На снегу наследить можно так, что век не отмоешься.

Убийство трех парней получило серьезный резонанс в прессе и на телевидении. Притом что все версии, выдвинутые репортерами и следователями, были слишком разнообразны, чтобы хотя бы одна из них получила серьезное продолжение. Хотя нет – вот что получилось: Трупы нашли примерно через час после убийства (я в это время, если не ошибаюсь, уже должен был быть в метро). Наткнулся на них какой-то старичок, который любил прогуливаться, видимо, темными лунными ночами. А по подслеповатости своей старичок еще умудрился вляпаться в лужу крови и чуть не отдал голову одного из парней (что могло бы послужить поводом к его аресту, если бы старичок не производил впечатления полной немогучности). Мобильного у него с собой не оказалось, поэтому, пока он добрался до средств связи и вызвал милицию, прошло еще чуть ли не два часа. Так что запас времени у меня был довольно приличный. Мой мешок, конечно же, нашли, в чем я мало сомневался, но, судя по официальным сводкам, отпечатков пальцев обнаружено не было, что меня очень даже порадовало. Хуже всего было то, что с помощью собаки они сумели обнаружить место моих

тренировок. Первая же выдвинутая версия сводилась к очередному маньяку, который объявился в Кусковском парке, что, учитывая все улики, было самым правдоподобным решением. Но в дальнейшем была обнаружена сбежавшая девушка, которая, к моей радости, смогла добраться домой без дальнейших приключений, но в глубоком шоковом состоянии. Она попыталась рассказать, что с ней произошло (более-менее прийти в себя она смогла только после предварительной работы с психологами). Что интересно, ее отец сам заявил в милицию о нападении. Возможно, поэтому следователям удалось сопоставить мертвых парней и куски женской одежды, валявшиеся рядом с ними, и объединить девушку и насильников в одно дело. Сама девушка ничего толком рассказать не могла – похоже, ей теперь придется долго лечиться, прежде чем она снова сможет спокойно ходить по улице. Исходя из рисунка нападения на девушку, появилась новая версия, которую, похоже, придумали и раздули телевизионщики – что это озлобившийся отец пошел и покрошил всех насильников. Милиция на эту «утку» не купилась, причем по очень простой причине: папаша этой девушки был здоровенным дядькой, поэтому моя выброшенная одежда налезла бы на него с большим трудом, хотя сила удара топором свидетельствовала все же не в его пользу. Но от этой версии очень быстро отказались, к величайшей моей радости. Я не собирался подставлять невинного человека, который и так получил серьезный удар. Вскоре осталась последняя, са-

мая вероятная версия – неизвестный мститель. До супергероя личность этого мстителя не доросла, но многие ему сочувствовали и хвалили. Эти слова были для меня бальзамом на душу, для этого стоило жить. Значит, я все сделал правильно. Как говорится, работа приносит наибольшее удовлетворение, когда ее нужность и пользу признают другие.

Зимние дни протекали монотонно, но не так чтобы неинтересно. Тренировать руки я не перестал, но оружие пока не торопился покупать – зачем необдуманно рисковать? Глупо попадаться не хотелось (да и умно тоже).

Мама почти всю зиму провела дома, изредка только навещая бабушку, когда той становилось не очень хорошо. Я-то зимой в деревню ехать не хотел, я вообще не люблю снег, у меня на него аллергия. Как же я завидовал муми-троллям, которые зимой впадали в спячку! Книга о них часто помогала справиться с грустными мыслями и депрессивными настроениями. Я конечно уже вырос из детства, но вряд ли полностью. Человек, в котором уже ничего не осталось от ребенка – мертвый человек. Я же считаю себя живым, и даже больше того: у меня есть смысл жизни, а это уже много.

Я выполнил данное Насте обещание, и мы неплохо побродили по театрам и кино. Конечно, не всегда наши вкусы совпадали, но при правильном взгляде в любой вещи и любом событии всегда можно найти что-нибудь полезное для само-

совершенствования. Часто я подолгу жил у Насти, и мы беседовали, как старики, сидя у телевизора и делясь своими мыслями и идеями. Однажды она спросила меня:

– Почему ты не хочешь заводить ребенка?

– Заводного ребенка? А что, наверно весело будет! – попытался отшутиться я.

– Да нет, я серьезно. Ты не хочешь, чтобы у тебя родился ребенок?

– Э-э-э, а я думал, что дети рождаются у женщин.

Она немного грустно улыбнулась.

– Ладно, построим вопрос по-другому. Почему ты не хочешь, чтобы у меня родился ребенок от тебя? – медленно подбирая слова, сказала Настя.

– А, ты об этом. Так бы сразу и спросила. А зачем он нужен?

– Как же – продолжение рода и все такое! – почти воскликнула она.

– А зачем продолжать свой род? – так же бесстрастно спросил я.

– Чтобы... чтобы оставить что-то свое этому миру. Свои гены, например, свои мысли, воспитывая ребенка как своего преемника и продолжателя.

«Н-да, сделать его своим продолжателем... Эх, знала бы ты, дорогая, о чем говоришь!» – подумал я про себя, а вслух добавил:

– Плодить армию массажистов – это, наверно, круто! А

потом собирать с них дань, когда сам стану немощным и жалким стариком, так, что ли?

– Не в такой грубой форме, но по смыслу примерно то.

– Значит, если я тебя правильно понимаю, ребенок нужен для того, чтобы я, потратив минимум шестнадцать-восемнадцать лет своей жизни, вырастил себе замену, приносящую домой деньги и все такое. Ах да, еще стакан воды перед смертью надо не забыть! Кстати, оставить о себе память можно и не плодя потомков, а просто написав хорошую книгу, песню, сняв фильм и тому подобное. Причем искусство будет жить намного дольше, чем память обо мне каждого последующего предка.

– Ты все утрируешь, – обиженно сказала Настя.

– В какой-то степени, но вот ты, например, до какого колена помнишь своих родственников?

– Ну, – она задумалась, – я прадедушку помню.

– Вот видишь, значит, если у меня, как ты говоришь, родится ребенок, то меня мои дети и внуки будут помнить только три поколения, и вряд ли дольше. Ничего себе, называется – оставил о себе память!

– Ну, если ты так считаешь...

– Это я сказал, чтобы внести ясность. Но ты знаешь такую вещь, что дети – это не цветы жизни, дети – это вампиры? Они пожирают наше время, они пожирают нашу молодость, нашу свободу, ну и наши деньги, хотя это уже в меньшей степени. Они высасывают из нас силы и молодость. Ду-

маешь откуда они такие подвижные, веселые и жизнерадостные? Потому что у них всегда есть подпитка!

Я ожидал бурю протеста на такое высказывание, а услышал лишь:

– Ты действительно так думаешь?

– Ну, в общем, конечно да. – Ответ встал в горле комом, не люблю я разочаровывать людей.

– Откуда ты можешь знать?

– Я слишком много общаюсь с детьми, и я знаю многих родителей. Ребенок расцветает – родители увядают, арифметика проста.

– Ты не любишь детей?

– Почему же, люблю, даже очень люблю, но не у себя дома. Дети – это существа, которые помогают этому миру держаться. У них еще незамутненный разум, они чисты. Именно поэтому я могу работать с детьми, но плохо отношусь ко взрослому населению этой планеты.

– А как же счастливые семьи?

– И чем же они счастливы?

– Их счастье в детях!

– Вряд ли, их счастье в их надеждах на детей. Многие, в большинстве своем бессознательно, считают своих детей долговременным проектом, который должен в конечном итоге реализоваться. Зато как только ребенок выпадает из намеченного пути, начинаются побои, отлучение от семьи, выбрасывание из квартиры, лишение наследства.

– Но природа – она же дала нам способность любить, радоваться своим детям, – попыталась она применить свой последний аргумент.

– Ты говоришь о животном инстинкте? Так на то человек и старается быть выше животных, чтобы управлять своими инстинктами, вот и все. Кто-то справляется и замечательно живет, а кто-то подчиняется и рождает, рождает, рождает.

– Похоже, ты так и не повзрослел, – грустно сказала она.

– Это точно, но давай отложим этот разговор на годик, а потом ты меня спросишь еще раз. Может быть, я изменюсь?!

– Хорошо, через год я спрошу тебя снова, и только попробуй мне так же ответить! – Она ехидно улыбнулась, притворно набрасываясь на меня и хватая руками за горло. Ее хват быстро перешел в объятия, и мы молча сидели обнявшись, думая о чем-то своем. Я люблю такое время, когда мы вот так сидим молча, обнявшись. Мысли текут своим чередом, а мы сидим и наслаждаемся обществом друг друга, делясь теплом своих тел, и нежностью, которая сквозит во всех, на первый взгляд еле заметных ласковых прикосновениях и поглаживаниях. Человек со стороны вряд ли бы что-то заметил – сидит себе парочка и сидит – но единение душ, сплетение тел, это все непередаваемые ощущения. Может быть, мы и не две нашедшие друг друга половинки, но мы очень друг другу подходим.

Зима – это очень хорошее время для размышлений. Идти никуда не хочется, холодно, противно, все, как говорится, белым-бело. Наверное, не зря в некоторых странах белый цвет – это цвет смерти. Я с этим совершенно согласен, ведь зима со своим снегом все замораживает и останавливает, останавливает бегущий жизненный сок в деревьях, усыпляет некоторых животных и насекомых, даже птицы бегут от нее куда подальше. Не все, конечно, есть продвинутые представители птичьего царства – вороны, воробьи и голуби. Их уже ничем не истребишь, да и не удивишь. Тридцатиградусный мороз – и ничего, прижались друг к другу или к веткам, распушили перья, и отлично. Еда под боком (благо помоек хватает), туалет вообще везде, так что живи – не хочу. А если жара тридцать градусов, так еще лучше – мясные отходы быстрее разлагаются, распуская вокруг себя умопомрачительные запахи, которые можно учуять и за пару кварталов от источника. В большей степени это относится к воронам, конечно, но и голуби не отстают – жуют все, что в клювлезет. Вероятно, скоро перейдут на бумагу, резину и другие отходы человеческой жизнедеятельности. В небольшом отдалении стоят воробьи, которые съедают все хлеб крошечные изделия, находящиеся в округе. Как они успевают – непонятно, но голубям и воронам крошки перепадать нечасто.

Да, кстати, зима почти замораживает уличное движение, завалив большими сугробами все дороги. Скорости транспорта снижаются, иногда даже совсем тормозятся. Вот и сделаешь тут вывод поневоле: зима всегда ассоциируется со снегом (заметьте, белым), а где белое – там замораживание и остановка всякой деятельности, а значит, смерть.

Вот именно поэтому зима – это время остановиться и поразмыслить хорошенько. С Настей думать было сложновато, потому что всегда появлялся какой-нибудь отвлекающий фактор – то ее тело, то мелкие домашние дела, то покупки. Иногда я оставался дома, читал книги и играл в компьютерные игры, а иногда отправлялся к своему другу, который жил этажом выше и откликался на имя Алексей.

С Алексеем мы были знакомы еще с детского сада, и он был единственным человеком, которого я действительно мог назвать своим другом. На него всегда можно было положиться (во всяком случае, я всегда знал, в чем конкретно я могу на него положиться). На встречи он никогда не опаздывал, но зато уже раз в десятый поменял место работы. Более года он еще, по-моему, нигде не задерживался. Я всегда удивлялся такой его способности, но он объяснял все просто – скука. Работа слишком быстро надоедает, поэтому зачем себя мучить? Всегда можно найти что-то новенькое и интересное. В какой-то степени ему можно было позавидовать. Увольняться с одной работы, не имея в запасе другой – это в каком-то

смысле мужественный поступок, я бы так не смог.

Поднявшись к нему в очередной раз, я спросил во время игры в шахматы – а что он думает по поводу того, чтобы с лица земли исчезли все гады, населяющие ее?

– Ты про змей, что ли? – уточнил он.

– Да нет, про людей, которые поганят жизнь остальным.

– Интересно, и как ты думаешь они могут все исчезнуть?

Я познакомил его со своей теорией естественного отбора и посетовал на то, что сейчас естественный отбор явно совершает ошибки, помогает жить и развиваться бессовестным людям.

– Естественный отбор никогда не ошибается, – ответил он мне. – Просто сейчас такое время, что людям, наделенным антисоциальными способностями, лучше живется. Они имеют неплохой процент выживаемости, да и возможностями к размножению их никто не обделял, вот и все.

– Возможно, ты прав. Но заметь, насколько лучше мы стали бы жить, если бы, например, не осталось ни одного вора.

– Можно не прятать деньги? – попытался съязвить он.

– И это тоже. Ну вот возьмем мою машину. Без воров мне не нужна сигнализация – это раз, замки на руль и на педали – это два, замок на бензобак – это три, секретки на колеса – это уже четыре. Да мне вообще будут не нужны никакие ключи, можно будет обойтись стартером. Это же какая экономия! Таскать ключи не надо, и, выходя из подъезда, не надо думать – увидишь ты свою машину или пустое место!

– Все это замечательно, для тебя это действительно выгодно, но выгодно ли это для производителей сигнализаций и других замковых приспособлений? Конечно, нет, так что делай выводы. Твоя выгода, выгода одного человека, сталкивается с выгодой многих – фирм-производителей, рабочих на местах и так далее. Воры дают работу многим тысячам людей, давая им обеспечить свои семьи и просто-напросто нормально жить.

– Интересная логика, – с сомнением ответил я. – А как же быть с насильниками и убийцами?

– Без зла нам не понять что такое добро.

– Ну, это все и так знают. Если есть тень, значит, есть предмет, если есть хорошее, значит, есть и плохое – иначе как бы мы их отличали друг от друга, если бы все было одинаковым, – заунывным голосом тут же продолжил я.

– Тогда что же ты меня спрашиваешь? – пожал Алексей плечами.

– Вот ты слышал об убийстве в нашем парке? – я уже очень давно хотел поговорить с Алексеем об этом, но все не решался, голос подводил всегда в самый последний момент, но сегодня я справился с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.